

ВЛ. НЕЙШТАДТ
ПУШКИН В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I

ПРОБЛЕМА „Пушкин и мировая литература“ по самому существу двустороння. При постановке этой проблемы естественно встают вопросы: что дала мировая литература Пушкину, и что Пушкин дал мировой литературе? До сего времени пушкиноведение занималось главным образом первой стороной проблемы, вторую — оно еле-еле намечало. Но и первую сторону проблемы пушкиноведение часто разменивало на пятаки, с каким-то сладострастием выискивая отдельные строфы и строки предшественников и современников Пушкина, с которыми находили более или менее отдаленное сходство в произведениях поэта. Эта обнаженная «охота за параллелями», без какой-либо попытки осознать смысл и значение сталкиваемого материала, могла привести иного неискушенного читателя к мысли, что Пушкин — это только ловкий перекройщик чужих стихов и образов. Эта «охота» порождала порой такую же мысль и у исследователя. Вспомним статью М. О. Гершензона „Плагиаты Пушкина“. Гершензон находил у Пушкина большое число заимствований из других поэтов и утверждал, что «Гёте и Байрон, Тютчев и Фет совершенно свободны от этой литературной обремененности». Последнее утверждение Гершензона, конечно, голословно; достаточно указать на «обремененность» Гёте заимствованиями из Вергилия и Тибулла.¹ Не стеснялся Гёте заимствовать и у своего соотечественника Гердера. Что касается Байрона, то стоит вспомнить, что у великого английского поэта был свой Гершензон: я имею в виду

¹ См. по этому поводу статью Франца Гардера: „Anklänge und Entlehnungen“. — Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte. 1890, т. III, вып. 4—5, стр. 365.

А. Уотса, оставившего нам в наследство брошюру: „Плагаты Байрона“.¹

Итак, первая сторона проблемы „Пушкин и мировая литература“ почти что свелась у иных пушкинистов к формуле: Пушкин обобрал мировую литературу. Неудивительно поэтому, что, например, в сборнике „Пушкин в мировой литературе“, изданном в Ленинграде в 1926 г., большинство статей построено по схеме: „Пушкин и Буало“, „Пушкин и Кольридж“, „Пушкин и Соути“ и т. д. И лишь две статьи частично затрагивают вторую сторону проблемы: статья И. Соколова — „Пушкин в новогреческом переводе“ и статья К. Дондуа — „Пушкин в грузинской литературе“.

И неудивительно, что в предисловии к этому сборнику мы находим следующую формулу, определяющую значение Пушкина в мировой литературе: «Впитав в себя поэтическую культуру древности и Запада, Пушкин, «евразиец», передает ее затем литературам нового Востока, — новогреческой, грузинской» (стр. V).

Вдумайтесь только в эту роль Пушкина — «передатчика просвещения» между Западом и Востоком!

Уничижительный взгляд на Пушкина как на «местного» поэта продолжает бытовать в сознании даже советских критиков и исследователей. Оскорбительно слышать в разговоре, что Пушкин, дескать, «колонизальный поэт», не оказавший никакого влияния на мировую литературу.

Это утверждение прежде всего голословно. Оно голословно потому, что не подтверждено изучением фактического резонанса, какой получило творчество Пушкина во всем мире.

II

Определить мировое значение того или иного поэта можно только на фактах внедрения творчества его в культуры разных народов, на фактах освоения и усвоения его произведений разноязычными культурами.

¹ А совсем недавно, как сообщает газета «Литературный Ленинград», в Италии появилась книга Джованни Фoa — „Лорд Байрон — поэт и карбонарий“, в которой автор уверяет, что все достижения Байрона покоятся на заимствованиях из итальянских писателей Пульчи, Берни, Касти и что без них Байрон не был бы Байроном («Л. Л.», 1936, № 38). Как видим, каждый пристрастный исследователь по-своему распоряжается фактами: один просто зачеркивает их, другой ставит их на голову.

Для этого нужно выяснить:

- 1) где и сколько переводили и переводят этого поэта;
- 2) как оценивает его иноязычная критика и как воспринимает его иноязычное общество в целом, и
- 3) какие его идеи и образы отражены в иноязычных литературах.

Нужно быть очень осторожным в оценке этих фактов. Большое количество переводов из того или иного писателя является порой следствием моды или ловкости литературного дельца. Однако литературные произведения этого сорта живут обычно очень недолго и, умирая в своей культуре, влекут за собою смерть и своих иноязычных копий. Но когда признанное и выдержавшее испытание в своей стране произведение продолжает жить и воспроизводиться в иноязычных культурах, — это можно рассматривать как объективный признак внедрения его в сокровищницу мировой литературы. Нельзя, например, в оценке мирового значения Толстого не считаться с тем фактом, что его произведения с 1883 по 1903 г. разошлись в Германии в девяти с половиной миллионах экземпляров (по подсчетам лейпцигского издателя Дидерихса), а в Англии, приблизительно за тот же промежуток времени, они разошлись свыше, чем в полутора миллионах экземпляров (по подсчетам Венгерова в отделении Roszisa Британского музея в Лондоне). Факт этот становится особо знаменательным, если учесть, что за то же время сочинения Гёте разошлись в Германии в количестве лишь шестисот тысяч экземпляров.

Нельзя не считаться и с тем фактом, что число переводов произведений того же Толстого исчисляется в сотнях номеров почти для каждой страны. Например, во Франции с 1866 по 1935 г. издано 366 переводов из Толстого. Чтобы понять значение этой цифры, достаточно указать, что переводов из Байрона за время с 1815 по 1935 г. можно насчитать немногим более 100.

Сухие цифры статистики бывают порою очень красноречивы.

III

Переводить Пушкина начали еще при его жизни. Первые переводы — немецкий и французский — появились в 1823 г. Это было время, когда интерес к русской литературе на Западе начал уже закрепляться. Первые проявления этого интереса были в середине XVIII в., но тогда этот интерес был еще случаен и экзотичен. Только случаем и можно объяснить, что русские сатиры молдава-

нина Кантемира вышли в переводе на французский язык в Англии (Лондон) в 1749 г., за 13 лет до появления их на русском языке.

Но с конца XVIII в. переводы с русского начинают все чаще появляться на Западе, и к первой четверти XIX в. становятся обычным явлением — в связи, очевидно, с ростом общего интереса к России, ибо сама русская литература расценивалась на Западе еще невысоко. «Новейшая русская изящная словесность еще очень зелена», — писал один из немецких критиков в 1824 г. Разбирая русскую антологию фон-дер-Борга, этот же критик выразился так: «Сии стихотворения все почти суть подражания чужой, а именно французской словесности, а некоторые, преимущественно позднейшие, подражания и немецкой» (цитирую по русскому переводу В. Кюхельбекера „Сын отечества“, 1825, 103, стр. 69 и 73).

Только Пушкину суждено было изменить этот взгляд западной критики на русскую изящную словесность. Однако в первое время интерес к Пушкину не выходил за пределы общего интереса к русской литературе. Пушкина включали в переводные антологии лишь потому, что его рекомендовала русская критика. Но очень скоро Пушкин стал появляться на иностранных языках независимо от ее суждений. Значительную роль в этом сыграли те иностранцы, которые, долго прожив в России и изучив русский язык, непосредственно поддавались очарованию пушкинской музы.¹ И вот за время с 1823 по 1836 гг. появилось около 75 переводов из Пушкина на 12 языках: немецком, французском, шведском, английском, итальянском, сербском, чешском, молдавском, украинском, грузинском и армянском.

Из крупных произведений Пушкина за это время вышли: „Руслан и Людмила“ в 1823 г. (большой отрывок из первой песни) на французском языке (перевод Дюпре де-Сен-Мора) и на немецком языке

¹ Любопытен рассказ одного из современников Пушкина, статью которого о поэте П. А. Муханов, не называя автора, напечатал в „Русской старине“ (1874, т. 10, стр. 690): «Разумеется, „Онегин“ увлек за собой больше всего внимание молодежи, но были и старики, даже иностранцы, которые восхищались им. Старик Нейман, бывший много лет профессором юридических наук сначала в Казанском, а потом в Дерптском университетах, знаток древних и новых иностранных словесностей, говорил худо по-русски, как все необрусевшие немцы, но разумел письменный язык наш так, что сочинял на нем книги и любил читать наших писателей. Этот рассудительный и ученый немец был в восторге от „Онегина“, он предпочитал его всем другим сочинениям Пушкина и с жаром доказывал, что ни в одной европейской литературе нет произведения, столько легкого, острого, умного и восхитительного по стиху, как „Евгений Онегин“».

(перевод фон-дер-Борга), „Кавказский пленник“ на немецком языке (перевод Вульфберта) в 1824 г. вышел вторым изданием; в 1825 г. — „Кавказский пленник“ на шведском языке; в 1826 г. — „Бахчисарайский фонтан“ на французском, немецком и польском языках. „Братья разбойники“ — на польском языке; в 1828 г. — „Цыганы“ на французском языке; „Бахчисарайский фонтан“ и „Братья разбойники“ на польском языке (новый перевод); „Кавказский пленник“ на польском языке; в 1829 г. — „Граф Нулин“, „Кавказский пленник“, „Братья разбойники“ и „Полтава“ на французском языке; в 1830 г. — „Цыганы“ на чешском языке, „Бахчисарайский фонтан“ на французском языке (новый перевод); в 1831 г. — „Борис Годунов“ на немецком языке, „Полтава“ на украинском языке; в 1833 г. — „Арап Петра Великого“ (отрывок) на французском языке, „Руслан и Людмила“ (2 песни) на немецком языке; в 1834 г. — „Кавказский пленник“ на итальянском языке; „Бахчисарайский фонтан“ на польском языке (третий перевод), „Полтава“ на польском языке; „Выстрел“ на французском языке; в 1835 г. — „Борис Годунов“ (отрывки) на чешском языке, „Кирджали“ на немецком языке; в 1836 г. — „Полтава“ на украинском языке.

Из лирики в разных переводах появились: „Черная шаль“, „Талисман“ (получили большую популярность), „Шотландская песня“, „Пророк“, „Воспоминание“, „Клеветникам России“, „Поэту“, „Русалка“, „Утопленник“, „Зимний вечер“, „Делибаш“, „Гусар“ и другие. Интересно отметить, что стихотворение „Кинжал“, не печатавшееся при жизни Пушкина и ходившее только в списках, появилось в переводе на французский язык в книге P. Ancelot „Six mois en Russie“, изданной в Париже в 1827 г.

Такого международного успеха не было ни у кого из современников Пушкина, и тем значительнее этот успех, что Пушкин сам отнюдь не добивался его. Пушкин не рассылал писем переводчикам с просьбой перевести что-либо из его произведений, как это делал, например, граф Хвостов.¹ У Пушкина не было своего комиссионера в Париже или в Берлине, проталкивавшего его произведения, как

¹ См. „Письма Н. М. Языкова к родным“, СПб., 1913, стр. 67 и 78. В письме от 29 апреля 1823 г. Языков пишет: «Граф Хвостов прислал Боргу свои сочинения с письмом, в котором говорит, что, пользуясь наступающими праздниками, он спешит его (вовсе незнакомого) с оными поздравить и предложить ему перевести из его стихотворений».

это было, например, у князя Одоевского.¹ И уж, конечно, у Пушкина не было в распоряжении аппарата Третьего отделения, который заботился бы о распространении его произведений по всем государствам Европы, как это было у Булгарина и его соратников Греча и Сенковского. Успех Пушкина не был успехом моды или успехом ловкого дельца, — успех был обусловлен признанием его таланта и значения. Конечно, это не было еще полным признанием, — это был только первый шаг к усвоению произведений великого поэта. Это было только начало приобщения имени Пушкина к мировой сокровищнице литературы. Более широкое постижение Пушкина и не могло, в сущности, иметь места в те времена. Такое постижение выдающегося гения вообще требует очень продолжительной работы, что мы видим на примерах того же Шекспира, Данте или Гёте. Байрон здесь явился счастливым исключением.

Впрочем, некоторая замедленность проникновения Пушкина в иноязычные культуры объясняется еще одним привходящим обстоятельством: Пушкин писал на русском языке. А русский язык тогда был еще почти неизвестен на Западе. И мало того, что неизвестен, к нему относились с пренебрежением, как к языку, не способному выражать поэтические чувства. Пушкину и суждено было изменить такое представление о русском языке. Имеются свидетельства, что чтение пушкинских произведений в переводе заставляло того или иного квалифицированного читателя заняться изучением русского языка. Одним из первых в этом ряду был известный немецкий критик Варнгаген фон-Энзе. Но какую же проникательностью нужно было обладать, чтобы за бесформенной тканью бездарного перевода угадать красоту языка подлинника?

А вся беда для Пушкина в том и состояла, что переводили его на первых порах далеко не мастера слова. Кто были первые переводчики Пушкина? Иностранцы, жившие в России, более или менее овладевшие русским языком и в большинстве случаев имевшие лишь отдаленное отношение к литературе; русские аристократы, прекрасно владевшие иностранными языками, но тоже не имевшие непосредственного отношения к литературе. Мы можем быть благодарны им за их энтузиазм к великому поэту, заставлявший их браться за трудное и непривычное дело художественного перевода, но за самые переводы мы их не поблагодарим. Действительно, из всех переводов, появившихся при жизни Пушкина, только два или три заслуживают вни-

¹ См. „Русскую старину“, 1904, т. 119, стр. 157 „Из переписки кн. В. Ф. Одоевского“.

мания; к числу их следует отнести опыты фон-дер-Борга, переводы Каролины Яниш, да, пожалуй, еще перевод „Бориса Годунова“, сделанный Кнорингом.

Уже Белинский в статье „Перевод сочинений Гоголя на французский язык“ (1844) писал о трудности перевода русских произведений на иностранные языки: «Басни Крылова — неперево́димы... „Горе от ума“ Грибоедова могло бы быть переведено без особенной утраты в своем достоинстве, но где найти переводчика, которому был бы под силу такой труд? То же должно сказать о Пушкине и Лермонтове: переводить их должно стихами, но какой же талант нужно иметь переводчику?». В этом все дело. А переводчики-любители, переводившие Пушкина, вообще не обладали никаким поэтическим талантом.

Может показаться несколько странным, что за рассматриваемый период очень мало отражена проза Пушкина, тем более, что прозу переводить легче, чем стихи. В самом деле, мы находим за это время лишь перевод отрывка из „Арапа Петра Великого“ в большой антологии русских прозаиков („Les conteurs russes...“ Traduit par M. Ferry de Pigny), 1833 г., перевод новеллы „Выстрел“ во французском журнале „Le Panorama littéraire de l'Europe“, 1834 г., да перевод „Кирджали“ в „Magazin für die Litteratur des Auslands“, 1835 г.

Объясняется это тем, что в Германии и в славянских странах произведения русских авторов попадали в печать не иначе, как с благословения Булгарина. Это особенно касалось прозы: тут уж Булгарин не терпел конкуренций. Щупальцы Булгарина проникали, конечно, и во Францию, где его творения усиленно переводились и распространялись. Присяжным переводчиком Булгарина во Франции был составитель вышеназванной антологии Ферри де-Пиньи, получавший, несомненно, хорошие подачки. Отбор материала для этой антологии был сделан самим Булгариным. Этим и объясняется, что Пушкин был представлен в ней лишь небольшим отрывком из „Арапа Петра Великого“.

Пушкин страдал от цензуры Николая I не только у себя в России, но и за ее пределами. Николай I, несомненно, не жаждал распространения произведений Пушкина за границей и принимал всяческие меры, чтобы не выпустить их за кордон. Не только сам Пушкин, но и его произведения были пленниками русского царя. Задушить творенья поэта царь при всем своем желании не мог. И, сметая все преграды Третьего отделения, они все чаще и чаще начинают выходить за русские рубежи.

IV

Дуэль и смерть Пушкина подняли на Западе волну интереса к его личности и к его творчеству. Тогда появились там первые критические статьи, пытавшиеся самостоятельно, независимо от русской критики, постигнуть значение Пушкина. Если бы этот интерес был случаен, если бы он связывался только с сенсацией дуэли, — он должен был бы быстро сойти на-нет. Однако — картина обратная: интерес к Пушкину продолжает расти, особенно в Германии. В 1840 г. в Лейпциге выходит первое собрание сочинений Пушкина на немецком языке в двух томах. Двухтомник был сделан Робертом Липпертом. В него вошли: „Кавказский пленник“, „Цыганы“, „Бахчисарайский фонтан“, „Братья разбойники“, „Полтава“, „Граф Нулин“, „Сказка о царе Салтане“, „Борис Годунов“, „Каменный гость“, „Евгений Онегин“ (первый полный перевод в стихах) и ряд лирических стихотворений.

В том же году в Германии вышли еще два сборника переводов:

1) сборник Е. фон-О. (Ольсберга), в котором напечатаны: „Черная шаль“, „Клеветникам России“, „Бородинская годовщина“, „Бахчисарайский фонтан“ (с примечаниями к нему), „Цыганы“ и „Полтава“; 2) сборник Требста и Сабинина, с повестями: „Пиковая дама“, „Метель“, „Станционный смотритель“, „Гробовщик“ и „Барышня-крестьянка“. Из повестей Белкина не был включен в сборник только „Выстрел“, может быть потому, что всего лишь год назад он появился в переводе Тица.

Помимо этих трех собраний, в Германии вышел в том же году ряд отдельных произведений Пушкина, в том числе „История Пугачевского бунта“ в переводе Брандейса. И можно сказать, что в 1840 г. Пушкин почти уже в полном объеме предстал Европе. Ведь не следует забывать, что немецкий язык имел широкую сферу распространения, в первую очередь в скандинавских странах и в ряде славянских стран. Многие переводы из Пушкина, появившиеся после 1840 г. в Сербии и Чехии, были сделаны не с подлинника, а с немецких переводов. Любопытный пример убеждает нас в этом: „Песнь о вещем Олеге“ названа у одного из сербских переводчиков „Pesem o belem Olegi“, то есть — „Песнь о белом Олеге“. Совершенно очевидно, что, переводя с немецкого, переводчик прочел немецкое слово «weise» (мудрый) как «weisse» (белый).

С 1840 г. начинается широкое проникновение Пушкина в иноязычные культуры. За десятилетие, с 1840 по 1850 гг., число переводов

из Пушкина на разные языки очень велико. Назову здесь только главнейшие: „Кавказский пленник“ на голландском языке, перевод В. П., 1840; „Кавказский пленник“, „Бахчисарайский фонтан“, „Братья разбойники“, „Цыганы“ на итальянском языке, перевод Бочелла, 1841; „Капитанская дочка“ на шведском языке, перевод Мермана, 1841 (первое появление „Капитанской дочки“ на иностранном языке); „Цыганы“ на польском языке, перевод Янишевского, 1842; „Пиковая дама“ на сербском языке, перевод Поповича, 1842; „Метель“ на французском языке, 1843; „Пиковая дама“ на французском языке, перевод Жюльвекура, 1843; „Капитанская дочка“ на датском языке, перевод Торсона, 1843; „Медный всадник“ и „Скупой рыцарь“ на польском языке, перевод Шимановского, 1844; „Гробовщик“ на чешском языке, перевод Лимана, 1844; „Метель“ на сербском языке, перевод Гавличека, 1844; „Цыганы“, „Братья разбойники“ и „Бахчисарайский фонтан“ на польском языке, перевод Дашковского, 1845; „Кирджали“ на французском языке, 1846; „Капитанская дочка“ на чешском языке, перевод Стефана, 1847; „Евгений Онегин“ на польском языке, перевод Сикорского, 1847; „Капитанская дочка“ на немецком языке в переводе Требста и одновременно другое издание в переводе Вольфсона, 1848; второе издание сборника Ольсберга, 1848; „Пиковая дама“ на французском языке, перевод Мериме, 1849; „Капитанская дочка“ на сербском языке, 1849; „Бахчисарайский фонтан“ на английском языке в Америке, перевод Льюиса, Филадельфия, 1849.

Но если начало этого десятилетия отмечено появлением первого двухтомника Пушкина на немецком языке, то последние годы этого десятилетия отмечены появлением не менее важного по своему значению собрания сочинений Пушкина на французском языке: двухтомника, сделанного Г. Дюпоном. В этот двухтомник вошли следующие произведения Пушкина: „Евгений Онегин“ (отрывок), „Борис Годунов“, „Бахчисарайский фонтан“, „Руслан и Людмила“, „Братья разбойники“, „Цыганы“, „Граф Нулин“, „Домик в Коломне“, „Полтава“, „Анжело“, „Медный всадник“, „Каменный гость“ и сорок стихотворений.

Таким образом, за рассматриваемое десятилетие были переведены на ряд языков почти все крупные произведения Пушкина. Мимо внимания переводчиков прошел, пожалуй, только „Дубровский“, который был переведен впервые лишь три года спустя в Сербии, а затем во Франции только в 1863 г., правда, краткое изложение появилось во Франции уже в 1853 г.

Из сказок Пушкина были переведены лишь „Сказка о царе Салтане“ на немецкий язык и „Сказка о золотом петушке“ на польский. Сказки, может быть, больше, чем все другое, обратили на себя внимание Запада, но зато и перевести их было труднее всего. Только трудностью задачи объясняется и сравнительно малое количество переводов лирики Пушкина. Исключительная трудность перевода сказок Пушкина, и особенно его лирики, признается и сейчас, хотя техника перевода в наше время выросла неизмеримо.

Увеличение количества переводов из Пушкина не сопровождалось заметным улучшением их качества. Правда, немецкие переводы Липперта представляли для своего времени некоторое достижение: из мелких произведений он не плохо перевел, сохраняя размеры подлинника, стихотворения: „Гусар“, „Воевода“, „Будрыс и его сыновья“; из крупных — сравнительно хорошо справился с трудностями „Бориса Годунова“, уловил легкость стиха „Графа Нулина“, что нельзя сказать о других переведенных им поэмах. Но абсолютно не по плечу Липперту оказались „Сказка о царе Салтане“ и особенно „Евгений Онегин“. О трудности перевода сказок Пушкина уже было замечено выше. Но то же самое нужно сказать теперь о „Евгении Онегине“. Перевод „Евгения Онегина“ — это вообще подвиг, и неудивительно, что первый опыт оказался неудачным. Липперт прежде всего нарушил онегинскую строфу, введя в нее свой порядок рифм; много строф он просто выпустил, чем в значительной мере разрушил лирическую композицию романа. Многого он просто не понял, многое «онемечил», перекрестив при этом Татьяну в Иоганну. Такую же операцию произвел он с царем Салтаном и с сыном его Гвидоном, перекрестив первого в короля Сильвена, а второго — в князя Гаральда. Но и сильно искаженная сказка Пушкина, и жалкое, в сущности, подобие „Евгения Онегина“ произвели огромное впечатление на западноевропейскую критику и западноевропейского читателя.

Из других немецких переводов заслуживает внимания перевод „Капитанской дочки“, сделанный Вольфзоном. Вольфзон сам был заметным беллетристом, к тому же он был выходцем из России и хорошо знал русский язык. Но вообще с прозаическими переводами дело обстояло на много лучше, чем с поэтическими.

Во французском двухтомнике Дюпона все переводы были сделаны прозой. Традиция переводить поэзию прозой живет во Франции до сего дня. Она находит себе теоретических защитников и в других странах, с другим языковым строем. Было легко опровергнуть эту защиту, но вдаваться здесь в теоретический спор по этому во

просу неуместно. Во всяком случае прозаический перевод, разрушая поэтическую форму стиха, претендует на некоторую поэтическую компенсацию в прозаической форме. Вот этой поэтической компенсации мы прежде всего и не находим в переводах Дюпона. Французский критик Сен-Жюльена, рецензируя сборник Дюпона („Revue des Deux Mondes“, 1847, октябрь), определил его перевод как «сухое изложение содержания подлинника». Но и в смысле точности, — а ведь в точности и видят иные основное преимущество прозаических переводов перед поэтическими, — переводы Дюпона тоже не совсем удовлетворительны. Дюпон, восемь лет прожив в России, не овладел тонкостями русского языка. При всей своей добросовестности он не мог справиться с поэтической метафорой, не понимал он и народных выражений; все это создало в его переводах много промахов, а подчас и грубых ошибок. Но при всем том его переводы сыграли большую роль в ознакомлении французского общества с Пушкиным. Недаром они вызвали большое число рецензий и способствовали появлению во Франции ряда статей о Пушкине.

Из всех переводов этого времени выдающимся явлением были лишь переводы Мериме. Примечательным было и то обстоятельство, что большой мастер приложил свое мастерство к переводу произведений Пушкина. Правда, Мериме не был пионером в этом направлении. Уже Мицкевич в 1829 г. сделал превосходный перевод лирического стихотворения Пушкина „Воспоминание“. Довольно много переводил из Пушкина в тридцатых и сороковых годах крупный польский поэт Ольнец. Между прочим, он первый, и очень удачно, перевел „Сказку о золотом петушке“. В 1839 г. выдающиеся немецкие поэты Шамиссо и Гофман фон-Фаллерслебен одновременно перевели „Шотландскую песню“. Но когда поэт переводит поэта, удивляться этому не приходится. Другое дело, когда большой писатель переводит чью-нибудь прозу. Это — высшее признание.

V

Накопление переводов из Пушкина в сороковых годах давало достаточно материала для оценки его как западноевропейской критикой, так и западноевропейским читателем. Второе для резонанса писателя по меньшей мере столь же важно, как и первое. Если бы Пушкин был принят холодно, количество переводов из него стало бы уменьшаться и вскоре сошло бы на-нет. Пушкин перешел бы в категорию полузабытых и забытых поэтов. Так бывает не только

в национальном, но и в мировом масштабе с писателями, созвучными одной только какой-нибудь эпохе, нужными только для определенного промежутка времени. Такова была участь Карамзина не только в России, но и на Западе. Такова была участь Клопштока и Виланда не только в Германии, но и во всем мире. С каждым новым десятилетием продолжало расти число переводов произведений Пушкина. С каждым десятилетием все больше распространялись они по всему миру. В конце сороковых годов, как уже говорилось ранее, в Соединенных штатах Америки появился первый перевод из Пушкина. В семидесятых годах мы встречаем уже перевод из Пушкина в испано-американских странах. В 1886 г. „Капитанская дочка“ издана на английском языке в Бомбее и Калькутте, к восьмидесятым годам Пушкин уже был переведен на все европейские языки, а из восточных (не входящих в состав разноязычной России) — на персидский, турецкий и японский. Переводы из Пушкина на языки арабский, китайский, корейский и урду появились лишь в XX в.

Велик, следовательно, интерес к Пушкину во всем мире. И одно это уже делает его мировым поэтом. В настоящее время насчитывается более тысячи семьсот пятидесяти¹ переводов из Пушкина на девятью трех языках. Кроме Шекспира и Толстого, затруднительно назвать еще одно имя мирового классика, переводы которого выражались бы в таких цифрах. Число существующих переводов из Пушкина на чешском языке — 175, на французском и немецком — по 170,² на сербском — 150, на болгарском — 90 (хотя Пушкина начали переводить в Болгарии лишь в 1870 г.), на польском — 70, на английском — 60, на итальянском — 50, на словенском — 40, на латыш-

¹ В этом счете сборники, включающие в себя ряд произведений, принимаются за единицу.

² Привожу для сравнения цифры переводов на французский из других русских классиков: Толстой — 366, Тургенев — 122, Достоевский — 105, Гоголь — 55, Горький — 50 (в том числе одно собрание сочинений в шести томах), Лермонтов — 36, Державин — 28, Герцен — 20, Чехов — 18 (в том числе одно полное собрание сочинений в шестнадцати томах), Крылов — 18, Короленко — 13. Переводы из других русских классиков насчитываются лишь единицами. Конечно, этим цифрам нельзя придавать абсолютного значения, тем более, что нельзя забывать и о хронологии (Толстого, скажем, переводят с семидесятых годов, а Горького — с 1902 г.). Но если сопоставить с сотнями переводов из Толстого, Пушкина и др. наличие всего 8 переводов из Тютчева, 7 переводов из Жуковского, 7 переводов из Баратынского, 6 переводов из Фета, 5 переводов из Гончарова и т. д., можно все же говорить о несравнимости мирового резонанса этих групп. Приведенные цифры повторяются с некоторыми вариациями и в других странах.

ском — около 30, на эстонском — около 25 и т. д. На языках народностей СССР — 500 переводов из Пушкина, причем 400 переводов из этого числа сделаны только после Октябрьской революции.

Окидывая взглядом восемь с половиной десятилетий после 1850 г., в течение которых Пушкин стал достоянием всего мира, мы увидим несколько особых всплесков интереса к нему. Такие всплески наблюдаются в 1880 г. (год открытия памятника Пушкину в Москве), в 1887 г. (пятидесятилетие со дня смерти) и в 1899 г. (столетие со дня рождения). Но была еще одна вспышка, вызванная не юбилейной датой, а появлением произведений Пушкина на немецком языке в переводах Фридриха Боденштедта (первые два тома переводов Боденштедта вышли в 1854 г., третий том — в 1855 г.). Боденштедтовское собрание было наиболее полным собранием поэтических произведений Пушкина на иностранном языке. Первый том заключал в себе тридцать стихотворений: „Сказку о рыбаке и рыбке“, „Сказку о мертвой царевне“, „Сказку о царе Салтане“ и четыре поэмы: „Бахчисарайский фонтан“, „Братья разбойники“, „Граф Нулин“, „Полтава“. Во втором томе был полный перевод „Евгения Онегина“; в третьем томе — „Борис Годунов“, „Каменный гость“, „Моцарт и Сальери“, „Русалка“ и, в приложении, „Египетские ночи“. Не только количественно, но и качественно трехтомник Боденштедта резко выделился из всех прочих переводов. Фридрих Боденштедт сам был крупным поэтом. Долго прожив в России, он в совершенстве овладел русским языком и очень хорошо знал русскую литературу. Он не был переводчиком-профессионалом и не переводил по заказу, но, подобно Жуковскому, он был переводчиком по призванию и переводил лишь то, чем восхищался. Так, восхищенный поэзией Пушкина и Лермонтова, он много потрудился над переводами из этих поэтов, позднее перевел ряд вещей Тургенева. Тургенев необычайно высоко ценил Боденштедта как переводчика. Когда Влардо положила на музыку ряд стихотворений Пушкина, и Тургенев захотел напечатать в издаваемом альбоме параллельно и немецкие тексты, он писал Боденштедту: «Когда дело коснулось перевода, то, весьма естественно, я подумал о вас — самом превосходном и искусном из переводчиков... Само собою разумеется, что необходимо сохранить в точности размер оригинала, но вы преодолеваете эти трудности шутя». В другом письме он пишет Боденштедту по поводу перевода повести „Фауст“: «Я только что прочел его (перевод) и был буквально в восторге, — он просто-на-просто восхитителен. Недостаточно знать основательно русский язык, надобно еще самому

владеть прекрасным слогом, для того чтобы произвести нечто столь совершенное...».¹

Переводы Боденштедта не только подняли на Западе волну интереса к Пушкину, они вызывали и переоценку его творчества. Новое качество перевода сыграло здесь важную роль. В чем же заключается это новое качество? Его очень точно определил сам Боденштедт. Рассказывая о своей первой книжке переводов из Козлова, Пушкина и Лермонтова, выпущенной в 1843 г., Боденштедт пишет в своих воспоминаниях: «Когда мои переводы очутились впервые у меня в руках в печатном экземпляре, то я провел из-за них бессонную ночь. В них было так много ошибок грубого свойства, что я не мог успокоиться по этому поводу и написал г. Кольману, чтобы он приостановил продажу этой книги... Между тем, книга эта, несмотря на многочисленные искажения текста, встретила большой успех, нежели я мог ожидать. Ее не только расхвалили в немецких газетах, но и Александр Иванович Герцен отозвался о ней в таком тоне, как будто переводы мои были образцовые. Что эти похвалы были не вполне заслуженные, лучше всего чувствовал я сам, но похвала послужила мне стимулом к тому, чтобы заслужить ее впредь последующими трудами. Однако при этом я твердо вознамерился *никогда не печатать таких переводов, которые не производили бы вполне впечатления оригинальных стихотворений*». В этом заключается значение переводов Боденштедта как в истории искусства перевода вообще, так и в истории перевода пушкинских текстов.

Современный переводчик-профессионал, вооруженный более высокой техникой, чем во времена Жуковского и Боденштедта, может укорить их кое-где в неточности или в вольном подчас обращении с текстом подлинника. Но право на такие укоры имеет лишь тот, кто, превзойдя Жуковского и Боденштедта в смысле точности, не уступит им в поэтической силе. Об этом, к сожалению, часто забывают.

Более шестидесяти лет переводы Боденштедта оставались непревзойденными в Германии. И лишь в 1916 г. появился изумительный перевод Теодора Коммихау, который во многих отношениях превзошел перевод Боденштедта.²

¹ См. переписку Тургенева с Боденштедтом, опубликованную в „Русской старине“, 1887, май, стр. 476 и 480.

² Этот перевод Коммихау со многими улучшениями переводчика появился вторично в двухтомнике Пушкина, изданном А. Лютером в 1923 г. в Мейеровской серии классиков.

Нужно упомянуть такие прекрасные работы, как польский перевод „Евгения Онегина“, сделанный Бельмонтом в 1902 г. (второе исправленное издание вышло в 1925 г.), шведский перевод „Евгения Онегина“, сделанный Иенсенем в 1889 г., датский перевод „Евгения Онегина“, сделанный Розенбергом в 1930 г.¹ Выделяются своим мастерством немецкие переводы Грегера и Гюнтера. Из новейших переводов очень хороши польские переводы Тувима (лирика, „Медный всадник“, „Полтава“ и др.). Можно с уверенностью сказать, что за последние десятилетия интерес к Пушкину на Западе несколько не ослабел. В ряде стран даже вырос. В этом легко убедиться из содержания нижеследующих таблиц:

Немецкие переводы

Названия	До 1837 г.		1837—1916 гг.		1917—1932 гг.		Всего	
	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания
1. Пиковая дама	—	—	5	5	7	11	12	16
2. Капитанская дочка...	—	—	6	7	6	7	12	14
3. Метель	—	—	4	4	8	9	12	13
4. Дубровский	—	—	4	6	7	7	11	13
5. Гробовщик	—	—	4	4	7	9	11	13
6. Барышня-крестьянка .	—	—	4	4	7	8	11	12
7. Станционный смотритель.....	—	—	3	3	7	7	10	10
8. Борис Годунов.....	1	1	6	7	2	4	9	12
9. Выстрел.....	—	—	2	2	7	7	9	9
10. Цыганы	—	—	6	7	1	1	7	8
11. Моцарт и Сальери....	—	—	3	3	4	5	7	8
12. Бахчисарайский фонтан	1	1	5	5	1	1	7	7
13. Каменный гость.....	—	—	3	3	3	4	6	7
14. Евгений Онегин.....	—	—	5	8	—	1	5	9
15. Кавказский пленник..	1	2	4	4	—	1	5	7
16. Скупой рыцарь.....	—	—	1	1	4	5	5	6
17. Египетские ночи.....	—	—	1	1	4	4	5	5
18. Сказка о золотой рыбе	—	—	3	3	2	2	5	5
19. Медный всадник.....	—	—	2	2	2	3	4	5
20. Арап Петра Великого.	—	—	1	1	3	4	4	5
21. Полтава	—	—	4	4	—	—	4	4
22. Сказка о царе Салтане	—	—	2	2	1	2	3	4

¹ Обилие прекрасных переводов именно „Евгения Онегина“, вещи, наиболее трудно переводимой, убеждает в том, что этот роман высоко ценится на Западе.

Остальные произведения — от одного до трех переводов. Хронологическое ограничение 1932 г. в этой таблице совсем не случайно. Со времени прихода фашизма к власти в Германии, насколько известно, появилось всего два перевода из Пушкина. Включение их в общую графу 1917—1936 гг. повело бы лишь к искажению общей картины.

Французские переводы

Названия	До 1837 г.		1837—1916 гг.		1917—1936 гг.		Всего	
	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания
1. Бахчисарайский фонтан.....	2	2	10	13	1	1	13	16
2. Метель.....	—	—	9	12	2	7	11	19
3. Выстрел.....	1	1	6	7	3	9	10	17
4. Борис Годунов.....	—	—	6	10	4	4	10	14
5. Цыганы.....	1	1	7	9	1	2	9	12
6. Капитанская дочка...	—	—	5	23	3	3	8	26
7. Полтава.....	1	1	7	8	—	—	8	9
8. Пиковая дама.....	—	—	5	7	2	8	7	15
9. Братья разбойники...	1	1	6	7	—	—	7	8
10. Барышня-крестьянка.	—	—	3	3	2	6	5	9
11. Гробовщик.....	—	—	3	3	2	6	5	9
12. Евгений Онегин.....	—	—	5	6	—	—	5	6
13. Каменный гость.....	—	—	4	4	1	1	4	5
14. Дубровский.....	—	—	4	5	—	—	4	5
15. Кавказский пленник..	1	1	3	4	—	—	4	5
16. Египетские ночи.....	—	—	4	4	—	—	4	4
17. Станционный смотритель.....	—	—	1	1	2	7	3	8

Нужно заметить, что польский перевод Бельмонта, как и чешский перевод Юнга (тоже достаточно удачный), сделан тоническим стихом, с соблюдением мужских и женских рифм, что для польского языка, имеющего постоянное ударение на предпоследнем слоге слова, исключительно трудно.

Чешские переводы

Названия	До 1837 г.		1837—1916 гг.		1917—1936 гг.		Всего	
	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания
1. Барышня-крестьянка .	—	—	10	10	1	1	11	11
2. Пиковая дама.....	—	—	7	9	3	3	10	12
3. Капитанская дочка...	—	—	7	7	1	1	8	8
4. Дубровский.....	—	—	7	10	—	—	7	10
5. Выстрел.....	—	—	7	8	—	—	7	8
6. Метель.....	—	—	7	7	—	—	7	7
7. Гробовщик.....	—	—	7	7	—	—	7	7
8. Станционный смотритель.....	—	—	6	6	—	—	6	6
9. Сказка о рыбаке и рыбе.....	—	—	3	5	2	2	5	7
10. Полтава.....	—	—	3	4	1	1	4	5
11. Арап Петра Великого.	—	—	4	4	—	—	4	4
12. Евгений Онегин.....	—	—	3	6	—	1	3	7
13. Сказка о царе Салтане.....	—	—	2	2	1	3	3	5
14. Цыганы.....	1	1	2	4	—	—	3	5
15. Борис Годунов.....	1	1	2	3	—	—	3	4
16. Египетские ночи.....	—	—	3	3	—	—	3	3
17. Сказка о золотом петушке.....	—	—	1	1	2	2	3	3
18. Кирджали.....	—	—	—	—	3	3	3	3
19. Бахчисарайский фонтан.....	—	—	2	5	—	—	2	5
20. Кавказский пленник..	—	—	2	4	—	—	2	4
21. Братья разбойники...	—	—	2	4	—	—	2	4

Английские переводы

Названия	До 1837 г.		1837—1916 гг.		1917—1936 гг.		Всего	
	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания
1. Капитанская дочка...	—	—	7	8	1	2	8	10
2. Пиковая дама.....	—	—	5	5	2	2	7	7
3. Выстрел.....	—	—	3	4	1	1	4	5
4. Метель.....	—	—	3	4	1	1	4	5
5. Станционный смотритель.....	—	—	3	4	1	1	4	5
6. Цыганы.....	—	—	4	4	—	—	4	4
7. Сказка о золотом петушке.....	—	—	—	—	4	4	4	4
8. Гробовщик.....	—	—	3	4	—	—	3	4
9. Арап Петра Великого.	—	—	3	4	—	—	3	4
10. Борис Годунов.....	—	—	2	2	1	1	3	3
11. Кирджали.....	—	—	3	3	—	—	3	3
12. Евгений Онегин.....	—	—	1	1	2	2	3	3
13. Кавказский пленник..	—	—	3	3	—	—	3	3
14. Дубровский.....	—	—	2	2	1	1	3	3
15. Сказка о царе Салтане.....	—	—	—	—	3	3	3	3
16. Полтава.....	1	1	1	1	—	—	2	2
17. Бахчисарайский фонтан.....	—	—	2	2	—	—	2	2
18. Сказка о рыбаке и рыбке.....	—	—	—	—	2	2	2	2
19. Медный всадник.....	—	—	1	1	—	—	1	1
20. Моцарт и Сальери....	—	—	1	1	—	—	1	1
21. Каменный гость.....	—	—	1	1	—	—	1	1
22. Гаврилада.....	—	—	—	—	1	1	1	1
23. История села Горюхина.....	—	—	1	1	—	—	1	1
24. Скупой рыцарь.....	—	—	—	—	1	1	1	1
25. Сказка о мертвой царевне.....	—	—	—	—	1	1	1	1
26. Сказка о попе и его работнике Балде.....	—	—	—	—	1	1	1	1

В этих таблицах обращают на себя внимание цифры повторных изданий некоторых произведений. Двадцать шесть изданий „Капитанской дочки“ во Франции (с 1853 г.) — цифра немалая. Она показы-

Итальянские переводы

Названия	До 1837 г.		1837—1916 гг.		1917—1936 гг.		Всего	
	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания	переводы	издания
1. Борис Годунов.....	—	—	2	3	4	5	6	8
2. Евгений Онегин.....	—	—	4	4	1	1	5	5
3. Кавказский пленник..	1	1	3	3	—	—	4	4
4. Капитанская дочка...	—	—	1	1	3	3	4	4
5. Цыганы.....	—	—	3	3	1	1	4	4
6. Бахчисарайский фонтан.....	—	—	3	3	1	1	4	4
7. Каменный гость.....	—	—	1	1	3	3	4	4
8. Пиковая дама.....	—	—	1	1	2	2	3	3
9. Русалка.....	—	—	1	1	1	1	2	2
10. Полтава.....	—	—	2	2	—	—	2	2
11. Пир во время чумы..	—	—	—	—	2	2	2	2
12. Сказка о мертвой царевне.....	—	—	1	1	1	1	2	2
13. Барышня-крестьянка..	—	—	—	—	2	2	2	2
14. Медный всадник.....	—	—	—	—	2	2	2	2
15. Моцарт и Сальери....	—	—	—	—	1	1	1	1
16. Скупой рыцарь.....	—	—	—	—	1	1	1	1
17. Дубровский.....	—	—	—	—	1	1	1	1
18. Граф Нулиа.....	—	—	1	1	—	—	1	1
19. Руслан и Людмила...	—	—	1	1	—	—	1	1
20. Сказка о царе Салтане.....	—	—	1	1	—	—	1	1
21. Сказка о рыбаке и рыбке.....	—	—	—	—	1	1	1	1

вает, что среди французской читающей публики существует большой спрос на роман Пушкина. Из всех мировых классиков, переведившихся во Францию, только Лев Толстой нашел такой же спрос. Роман „Война и мир“ выдержал во Франции двадцать четыре издания, „Анна Каренина“ переиздавалась двадцать три раза.¹

¹ Из произведений других русских классиков можно назвать еще „Записки охотника“ Тургенева — 24 издания, „На дне“ Горького — 14 изданий, „Демон“ Лермонтова — 11 изданий, „Тарас Бульба“ Гоголя — 8 изданий. Из романов Достоевского наибольшее число изданий выдержали „Преступление и наказание“ — 19, „Братья Карамазовы“ — 6.

Мне не известны, к сожалению, точные цифры тиражей пушкинских изда-

Но убедительнее всего вырисовывается отношение к Пушкину из факта многократности перевода почти всех его произведений. История взаимопроникновения различных литератур показывает, что только вещи мирового значения переводятся по многу раз, только гениальные творения не находят себе «дефинитивного» перевода. И чем значительнее вещь, тем больше возникает попыток передать ее красоту на своем языке, довести ее до своего читателя и достойно утвердить в своей языковой культуре. „Фауст“ (первая часть) Гёте переводился на русский язык тридцать раз. „Божественная комедия“ Данте переводилась на немецкий язык пятнадцать раз (с 1767 г.), на французский — четырнадцать (с 1596 г.), на английский — четырнадцать (с 1802 г.). Большинство драм Шекспира переводилось на русский, французский, немецкий языки от пяти до десяти раз.

В этом отношении, как видим, Пушкин не является исключением.

VI

Обратимся ко второму моменту проблемы „Пушкин в мировой литературе“. Посмотрим, как на протяжении века оценивала зарубежная критика творчество Пушкина. Первые зарубежные высказывания о нем появились в 1823 г. вместе с первыми переводами. И фон-дер-Борг в антологии на немецком языке, и Дюпре де-Сен-Мор в антологии на французском языке поместили по небольшой статейке о Пушкине.

Фон-дер-Борг: «Пушкин написал много лирических стихотворений, посланий и пр. Но наиболее значительными его произведениями являются две поэмы — романтическая поэма „Руслан и Людмила“ в шести песнях, вышедшая в Петербурге в 1820 г., и „Кавказский пленник“ — Петербург, 1822 г. Обе поэмы, особенно вторая,

ний за границей. Но следует отметить, что в Германии, например, издательство Филиппа Реклама за время с 1872 по 1897 г. выпустило в своей „Универсальной библиотеке“ семь томов Пушкина: „Кавказский пленник“ — 1872, „Евгений Онегин“ — 1873, „Капитанская дочка“ — 1881, „Новеллы“ („Повести Белкина“, „Пиковая дама“, „Арап Петра Великого“) — 1882, „Борис Годунов“ — 1888, „Дубровский“ — 1896 и „Стихотворения“ (139 стихотворений в переводе Фр. Фидлера) — 1897 г. В мейеровской серии „Народных книжек“ вышло три тома, посвященных Пушкину: „Борис Годунов“ — 1870, „Поэмы“ („Бахчисарайский фонтан“ и „Медный всадник“) — 1893 и „Драмы“ („Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“, „Каменный гость“ и „Русалка“) — 1893. Тиражи „Универ-

сальной библиотеки“ и „Народных книжек“ были громадны, и обе серии пользовались большой популярностью вследствие дешевизны.

отличаются живостью изображения, восхитительными описаниями и звучным стихом. Эти поэмы выдвинули Пушкина, несмотря на его молодость, в число лучших поэтов России...».

Дюпре де-Сен-Мор: «... Талант этого молодого поэта проявился уже в нескольких одах и посланиях, опубликованных в журналах. Но только его поэма в шести песнях „Руслан и Людмила“ обратила на него особое внимание всех любителей изящной литературы в России. Это произведение отличается поэтическим воображением, столь же блестящим, сколько богатым: оно полно острых положений и отмечено счастливым сочетанием пылкости и трезвости, юмора и чувства; но главное ее достоинство — поэтический колорит. Чистота ее стиля поистине удивительна у такой молодой музы...».

Несомненно, обе эти довольно сходные оценки не совсем самостоятельны. В них слышен отзвук § 60 из „Опыта краткой истории русской литературы“ Греча.¹ Гораздо более непосредственным представляется то впечатление от „Руслана и Людмилы“, которое Сен-Мор высказывает во вступительной статье к своей антологии, где он также уделяет место Пушкину: «Поэма „Руслан и Людмила“ является новым доказательством, что и полуночное небо в состоянии расцветать поэтическими вымыслами, украшенными всем великолепием живого и богатого воображения. Поэтические вымыслы Пушкина позволяют вспомнить об очаровании, изобретательности и пылкости Ариосто. И, читая „Людмилу“, можно воскликнуть вместе с Вольтером: «Не только климат определяет нашу природу».

С этого времени имя Пушкина все чаще начинает появляться на столбцах зарубежной печати. Рецензии на переводы его произведений неизменно сопровождаются похвалами по адресу Пушкина. Интересно в этом отношении высказывание профессора Эжена де-Герля, выпустившего в 1827 г. антологию русских поэтов на французском языке под названием „Русские вечера“.² Во вступительной статье к этой антологии „Взгляд на русскую литературу“ имеются следующие строки: «Если Россия не может еще гордиться ни одним

¹ Руководство Греча, вне всякого сомнения, долгое время являлось на Западе единственным источником для ознакомления с русской литературой и было признанным подспорьем для оценки русских литературных фактов. То, что фон-дер-Борг пользовался Гречем, видно из писем Н. М. Языкова, 1822 г., к брату. Языков писал: «История литературы Греча опоздала: Борг уже выписал из этой книги все для него нужное. Я нашел ее у Перевощикова» (см. „Письма Н. М. Языкова к родным“, СПб., 1913 г., стр. 35—36).

² Les Veillées russes par H e g u i n de G u e r l e. Paris, H. Feret, 1827. Со вступительной статьей: «Coup d'oeil sur la littérature russe».

эпическим произведением, то она имеет своего Ариосто в лице Александра Пушкина, автора героико-комической поэмы „Руслан и Людмила“. Эта поэма отличается блестящим вымыслом, брызжет весельем и изобретательностью; ее поэтическое богатство не уступает поэзии „Орlando Фуриозо“. Перу г. Пушкина принадлежат и другие поэмы, как, например, „Кавказский пленник“ и „Бахчисарайский фонтан“. Недавно он издал первую песнь поэмы, озаглавленной „Онегин“, которая возбуждает в читателях неодолимое желание видеть скорее окончание этого произведения. А когда подумаешь, что сочинителю стольких прекрасных творений всего лишь 27 лет, сколько надежд должно родиться. Сколько обещает нам эта юная муза, множество произведений которой обращает на себя внимание творческой силой, правильностью слога и зрелостью вкуса, — качества, которые даже наиболее выдающимися поэтами приобретаются обыкновенно лишь в гораздо более зрелом возрасте» (стр. 32—33). Из этих первых оценок мы видим, что Пушкина сопоставляют с Ариосто. Но именно сопоставляют, а не укоряют его в подражательности. С удивлением и восхищением встретила зарубежная критика произведения русского поэта. Статья Герля особенно интересна потому, что в ней мы находим первое печатное высказывание иностранца о „Евгении Онегине“. Первая глава „Онегина“ вышла в феврале 1825 г., вторая — в октябре 1826 г. Следовательно, антология де-Герля была отдана в печать до октября 1826 г., но появилась лишь в 1827 г.

Не будем цитировать другие высказывания французской, немецкой, чешской и сербской печати этого времени. Порою более сдержанные, порою столь же восхищенные, они ничего не прибавят нам по существу. Запад только еще знакомился с великим русским поэтом. Для углубленной оценки время еще не пришло.

VII

Когда Пушкин умер, российский министр народного просвещения Уваров распорядился, чтобы печать «поддерживала надлежащую умеренность и тон приличия в статьях по поводу кончины Пушкина». Недаром князь Одоевский жаловался в письме к А. О. Смирновой: «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению». Обойти запрет писать о Пушкине в сочувственном тоне удалось в России, кажется, только двум газетам.

а именно: „Одесскому вестнику“ и французской газете в Одессе „Journal d'Odessa“.¹

Но запрет русского министра, к его великому сожалению, не распространялся на заграничную печать. И заграничная печать не обошла молчанием гибель великого русского поэта. 14 марта 1837 г. Н. А. Мельгунов, живший тогда во Франкфурте, писал С. П. Шевыреву: «Ты обещаешь мне подробное известие о смерти Пушкина. *Это происшествие произвело здесь сильное впечатление и в течение двух-трех недель все газеты, немецкие и французские, были им полны, так что иное, я, может быть, знаю обстоятельнее, чем вы.*»

В это сообщение Мельгунова следует внести только одну поправку: не две-три недели, а три-четыре месяца не сходило с газетных и журнальных листов имя Пушкина. В самом деле: Пушкин умер 10 февраля (по новому стилю), в конце февраля появляются первые некрологи в заграничной печати, но еще в мае и июне продолжают печататься статьи о Пушкине. Знаменитая статья Мпцкевича появилась в „Le globe“ 25 мая 1837 г.

И так было не только во Франции и Германии, но и в Англии, и в Чехии, и в других странах. Только в Голландии, по вполне понятным причинам, постарались замолчать смерть великого поэта.²

¹ В „Одесском вестнике“ от 13 февраля 1837 г. была помещена исключительно прочувствованная статья о Пушкине. Обращает на себя внимание общая оценка, данная в этой статье погибшему поэту: «Певец в высшей степени народный, он одинаково понимал и сокровеннейшие тайны русского мира, и общие черты жизни человечества». Справедливость требует отметить, что эта статья была пропущена в печать графом Воронцовым. Как рассказывает в своих воспоминаниях автор статьи Н. Тройницкий, Воронцов, когда ему представили статью на просмотр, очень внимательно читал ее и разрешил печатать, заметив, однако, при этом: «Да уж, не много ли тут сказано». Всесильный генерал-губернатор, видимо, побаивался пропустить что-либо лишнее о Пушкине и дозволил печатать статью лишь потому, что появившаяся накануне в „Journal d'Odessa“ французская статья, похожая по тону и по содержанию на статью Тройницкого, очень понравилась графине Воронцовой. Графиня желала, чтобы статья эта была перепечатана в „Одесском вестнике“ на русском языке. По этому поводу секретарь Воронцова М. Щербинин писал редактору „Одесского вестника“. Из записки этого чиновника видно, как разрывалась душа его между «угодничеством перед графиней и страхом перед Петербургом»... «...Спешу повергнуть перед вами мысль, родившуюся у гр. Елизаветы Ксавьерьевны, то есть, что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною. Впрочем, бог знает, что скажут в Петербурге...» (см. «Русская старина», 1887, апрель, стр. 155—160).

² В голландских газетах 1837 г. были напечатаны (с 27 февраля по 20 марта) три коротенькие и одна более распространенная корреспонденции. Только в этой

К сожалению, иностранные газеты 1837 г. обследованы еще очень не полно, материал далеко не собран и почти не подвергался анализу. Имеется только одна брошюра М. Веневитинова, в которой сделана попытка проанализировать немецкие материалы („Некрологи Пушкина в немецких газетах 1836 года“, СПб., 1900), да еще П. Е. Щеголев в книге „Дуэль и смерть Пушкина“ (2-е изд., стр. 388—396) перепечатал с небольшим комментарием четыре статьи из французской газеты „Journal des Débats“ и одну из английской „The Morning Chronicle“.

Стоит остановиться на брошюре М. Веневитинова. Он задался целью определить то положение, которое могла доставить Пушкину в литературе Западной Европы его слава, как русского поэта, и пришел к выводу, что «смерть великого русского писателя не произвела в Германии особенно сильного впечатления». «Немецкая литература, — пишет Веневитинов, — не имела полного понятия о всем значении Пушкина не только в объеме его европейской славы, но даже в отношении его заслуг перед Россией. Пушкин обратил в 1837 г. внимание немецких газет не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли...».

Все эти утверждения М. Веневитинова от начала до конца неверны. О впечатлении, произведенном в Германии смертью Пушкина, имеется цитированное выше свидетельство Н. А. Мельгунова, которое, между прочим, приводил в своей брошюре и Веневитинов. А как понимало немецкое общество тридцатых годов прошлого столетия «значение Пушкина в объеме его европейской славы», — видно хотя бы из донесения саксонского посланника в России, барона Лютцереде своему правительству: «Ужасное событие, совершившееся три дня тому назад, глубоко потрясло всех истинно образованных людей Петербурга. Государственный историограф Александр Пушкин, который достоин быть назван со смерти Гёте и Байрона первым поэтом современной эпохи, пал жертвою ревности, злона-

последней раскрыта причина дуэли Пушкина, но имя Дантеса не названо. Имя убийцы Пушкина упомянуто лишь в гаагской газете, выходявшей на французском языке. Зато чрезвычайно интересны для нас характеристики, данные голландскими газетами Пушкину: «Поэт Александр Пушкин, произведения которого знамениты за границей...»; «Знаменитый господин Пушкин, самый выдающийся поэт России...»; «Поэт Пушкин, который приобрел и за пределами своего отечества почетную известность...» (см. Н. В. Чарыков. „Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии“, „Пушкин и его современники“, вып. XI 1909, стр. 64—78).

меренно доведенной до безумия». В конце своего донесения Лютцероде называет Пушкина «одним из выдающихся умов Европы».¹

Значение же Пушкина для России одна из немецких газет 1837 г., анализируя „Евгения Онегина“ и „Бориса Годунова“, определяет так: «Пушкин этими произведениями создал тот русский язык, которым пишут и говорят теперь, и оказал своему отечеству ту же услугу, какую французы признают за своим Мольером» („Deutsche Allgemeine Zeitung“, 12 марта 1837 г.). Эта формулировка немецкой газеты была, правда, заимствована из французской статьи Лева-Веймара, опубликованной в „Journal des Débats“ от 3 марта 1837 г. Но, очевидно, немецкая газета была с этой формулировкой согласна. Во всяком случае она преподнесла ее своим читателям и, следовательно, правильно информировала их о значении Пушкина для России.

Нельзя согласиться с нелепым утверждением Веневитинова, что Пушкин обратил на себя внимание не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли. Веневитинов основывает свои утверждения на том факте, что во всех немецких статьях, появившихся в связи со смертью Пушкина, биография поэта была перевернута и искажена. Пушкина называли то графом Мусиным-Пушкиным, то просто графом Пушкиным, путали его имя и т. д. Это верно. Пушкина возводили в графское достоинство не только в Германии, но и в других странах. И не только в 1837 г., но и значительно позже: так, в Англии в 1859 г. перевод „Капитанской дочки“ появился с титулом „Граф Александр Л. (!) М. (!) Пушкин“. То ли еще бывало с русскими именами!

Но Веневитинов не обратил внимания на другое обстоятельство: при всей путанице в бытовых чертах биографии Пушкина (далеко, однако, не во всех статьях), мы ни в одной статье 1837 г. не найдем ошибки или неточности в литературной биографии Пушкина. С этой стороны Пушкина на Западе знали. Не всё еще из произведений Пушкина дошло туда, но что дошло, запомнилось прочно.

Смерть Пушкина была встречена на Западе как горестное явление, как огромная потеря для всего мира. Особенно заметно это в тоне чешской печати. Чешский поэт Людевит Штур опубликовал

¹ Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, второе изд., стр. 373—375.

свой „Плач над Пушкиным“ — первое иноязычное стихотворение, посвященное Пушкину:

Мало на Ваг долетело к нам с Севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души,
Умер поэт, но жив его дух; и жить будет вечно
Сладостный звук его лютни на вольных просторах.

Замечательно, что не только Запад, но и Восток сейчас же откликнулся поэтическим откликом на смерть поэта:

Разве ты, не ведающий мира, — разве не слышал о Пушкине, главе собора поэтов?

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило по лицу ее?..

Черное облако одною градиной побилло плод дерева его жизни...

Так! Не спас тебя от оков колдовства старой чаровницы смерти талисман твой...

Фонтан Бахчисарая праху твоему с весенним зephyром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый, Кавказ, отвечает на песни твои стоном в стихах Сабучия.

Это отрывки из поэмы на смерть Пушкина тюркского поэта Сабучия (Фет-Али Ахундов). В русском прозаическом переводе самого автора поэма появилась в „Московском наблюдателе“ в 1837 г. (т. XI, стр. 397—404).

Однако, глубже и горче всех чувствовал утрату Пушкина великий польский поэт Мицкевич, живший тогда в Париже и написавший взволнованный некролог в „Le Globe“. ¹ «Никто не заменит Пушкина, — писал он. — Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные качества». ²

У Мицкевича перед другими иностранными критиками было то преимущество, что он хорошо знал Пушкина лично, читал его произведения в подлиннике и сам был замечательным поэтом. Потому-то он так верно оценил Пушкина, как поэта истинно-народного, потому так правильно охарактеризовал „Евгения Онегина“ лучшим и своеобразнейшим и наиболее национальным из творений Пушкина. Только

¹ Из других значительных статей во французской печати нужно выделить статью Лева-Веймара, упоминавшуюся выше, и статью за подписью G. Lam... в газете „Temps“.

² Цитирую по переводу кн. Вяземского. „Русский архив“, 1873, кн. 6, стр. 1057—1088.

„Бориса Годунова“ Мицкевич не оценил до конца. «Пушкин был слишком молод для воссоздания исторических личностей, — писал он. — Он сделал опыт драмы, но опыт, который доказывает, чего бы он мог достигнуть со временем: *Et tu Shakespeare eris si fata sinant*».¹

Очевидно, Мицкевич считал, что Пушкин не совсем справился с характерами своей драмы. Как увидим, с этим несколько позднее не согласилась немецкая критика. Однако, не приняв „Бориса Годунова“ в целом, Мицкевич правильно оценил его самобытность: «„Борис Годунов“ содержит в себе подробности и даже сцены изумительной красоты. Особенно пролог кажется мне столь самобытным и величественным, что, не обинуясь, признаю его *единственным в своем роде*».

Нельзя не отметить и той общей оценки, которую дал Мицкевич Пушкину в своей статье: «Если бы не существовало творений английского поэта (Байрона), Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи».

Таким образом, польский поэт раньше всех выдвинул проблему о мировом значении Пушкина.

VIII

Русская критика двадцатых и тридцатых годов не только не могла поставить вопрос о мировом значении Пушкина, но даже не могла бесповоротно решить вопрос о самобытности своего величайшего поэта. Ярлык байрониста, привешенный к Пушкину, преследовал его при жизни, продолжая преследовать и после смерти. Отдельные робкие попытки сорвать этот ярлык, например, в статье Ивана Киреевского („Нечто о характере поэзии Пушкина“, 1828), почти не имели резонанса. Да и позднее, уже после статей Белинского и высказываний Герцена и Огарева, отрицательно решавших вопрос о байронизме Пушкина, русская критика продолжала иметь суждение в этом вопросе по методу «с одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться». Когда же этим вопросом занялись историки литературы, он получил совершенно своеобразное разрешение: если исследователь снимал с Пушкина ярлык байрониста, он немедленно навешивал ему какой-нибудь другой ярлык. Так, Сиповский, почти целиком отрицая влияние Байрона на Пушкина, чуть ли не сделал его «шатобрианистом».

Но если так обстояло дело в России, то как же было на Западе, и особенно в первой трети XIX в., когда отношение к русской лите-

¹ И ты будешь Шекспиром, если судьба допустит.

ратуре было еще в достаточной мере скептическое? Оказывается, что как раз на Западе в конце тридцатых годов дается первое и решительное утверждение самобытности и оригинальности русского поэта. В 1838 г. появилась большая статья о Пушкине известного немецкого критика Варнгагена фон-Энзе („*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*“, октябрь 1838 г.).¹

Статья эта была не поверхностной компиляцией чужих мнений и взглядов; она явилась плодом собственных серьезных раздумий над Пушкиным. Для того, чтобы лучше понимать русского поэта, Варнгаген изучал русский язык и читал Пушкина в подлиннике. Он был знаком с творчеством поэта в полном объеме, вместе с тем он являлся одним из лучших знатоков всех европейских литератур. Вот почему его мнение о Пушкине приобретало особый интерес и особую ценность.²

Интересно, что немецкий критик считал прежде всего необходимым защитить русского поэта от русской критики. «Русские сами, — пишет Варнгаген фон-Энзе, — по скромности или из осторожности, называют нередко Пушкина подражателем. Такое определение кажется мне очень несправедливым. Правда, мы находим иногда у Пушкина что-то напоминающее Байрона. Его поэзия часто кажется подража-

¹ До появления статьи Варнгагена в Германии вышли в 1837 г. две книги, специально посвященные русской литературе и, конечно, уделившие место Пушкину. Я не останавливаюсь на них только потому, что обе они были, в сущности, переложением русских источников. Так, книгу Кенига „*Litterarische Bilder aus Russland*“ составил упоминавшийся выше Н. А. Мельгунов, а книга Отто „*Lehrbuch der Russischen Litteratur*“ была не чем иным, как переводом все того же „Опыта“ Греча с небольшими добавлениями из русских же журнальных статей. Стоит отметить, что в книге Кенига был приложен портрет Пушкина — первый, появившийся за границей портрет (гравюра Уткина).

² Один из берлинских корреспондентов В. Ф. Одоевского — Я. М. Неверов — писал ему в ноябре 1838 г.: «Обратили ли вы внимание на статью Варнгагена о Пушкине?.. Она возбудила здесь живой интерес как содержанием своим, так в особенности именем Варнгагена, и русская литература наряду с современными политическими вопросами составляла на несколько недель предмет общего разговора» („*Русская старина*“, 1904, т. 113, стр. 157).

Статья Варнгагена вошла позднее в собрание его сочинений (т. V, 1843). На русском языке она была напечатана в „Сыне отечества“ (1839, т. VII, № 1) и в „Отечественных записках“ (1839, т. IV, приложение). Она должна была появиться также в „Московском наблюдателе“ в 1839 г., но была запрещена цензурой. Зелинский перепечатал ее в своем своде критической литературы о Пушкине (т. IV, изд. 2, 1902, стр. 105—126). В сб. Покровского „А. С. Пушкин, его жизнь и сочинения“ помещены три отрывка из нее (стр. 176—179, 290—293 и 621—628).

анием, но на самом деле это не так. Она всегда рождается из собственного духа, даже в тех случаях, когда отдельные ее элементы не являются собственным изобретением. Как океан, куда вливаются воды всех стран, так и запас образов, накопившийся в продолжение веков, есть общее достояние, пользоваться которым могут все, присваивая себе то, что пригодно или нравится.¹ Вся сокровищница литературных образов переходит в общую поэтическую атмосферу и растворяется в ней; мы дышим ею, как свободным воздухом; она становится материалом и собственностью новых поэтических созданий, но можно ли их называть подражаниями из-за того, что мы ощущаем в них воздух? Только дух, один только дух позволяет решить здесь, кто является свободным повелителем и кто — рабским подражателем... Что Пушкин — поэт оригинальный, поэт самобытный — явствует непосредственно из впечатления, производимого его поэзией. Он мог заимствовать ту или иную форму, он мог становиться на пути, до него еще проложенные; но жизнь, *вызванная им, — жизнь совершенно новая*...

«И если, — продолжает Варнгаген, — читая Пушкина, мы вспоминаем порой Байрона, Шиллера или их предшественников — Шекспира и Ариосто, то что из этого следует? Только то, с кем мы можем сравнивать Пушкина, а вовсе не то, от кого мы должны его производить».

Из всего этого следует, что Варнгаген фон-Энзе поставил Пушкина в ряд величайших мировых поэтов. А дальше он точно и четко сформулировал, в чем, собственно, состоит мировое значение Пушкина. Он указал, что поэзия Пушкина, прежде всего, глубоко национальна и народна, ибо служит верным и всесторонним отражением полноты русской жизни. Вместе с тем его поэзия отражает господствующие умонастроения эпохи, выразителями которых являлись и Байрон и Шиллер. «В ней тот же разлад мечты с действительностью, та же тоска, та же печаль по утраченном и грусть по недостижимом счастье». Но есть в ней одно свойство, которое поднимает его над его великими современниками: «он живым образом слил все исчисленные качества с их решительною противоположностью, именно

¹ Эта точка зрения Варнгагена перекликается с некоторыми высказываниями Гёте, который, как известно, упрекал Байрона за то, что он недостаточно резко отвечал на обвинения его в плагиате. По мнению Гёте, Байрон должен был заявить: «То, что здесь — мое, и не все ли равно, внял я это из жизни или из книг». В другом месте Гёте говорит: «Величайший из гениев недалеко бы ушел, если бы вздумал всего ожидать только от самого себя».

со свежее, духовною гармонией, которая, как яркое сияние солнца, пронизывает его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии, подает утешение и надежду».

В этом отношении Варнгаген фон-Энзе находит возможным сравнить Пушкина с Гёте.

Два полюса человеческого духа, нашедшие свое полное выражение в таких гигантах, как Гёте и Байрон, органически сливаются, синтезируются в Пушкине. Вот в чем, по Варнгагену фон-Энзе, мировое значение великого русского поэта.

Подвергнув анализу все произведения Пушкина (кроме прозы), немецкий критик особенно выделил „Евгения Онегина“, „Бориса Годунова“ и лирику. „Евгения Онегина“ он назвал вещью ни с чем несравнимую, читая которую вы должны сказать, что здесь перед вами Пушкин и только Пушкин. Кто захотел бы привести для сравнения „Чайльд Гарольда“ Байрона, тот был бы обманут внешним сходством, как и тот, например, кто попытался бы сравнивать Германа и Доротею Гёте с „Луизой“ Фосса.

Исключительно высокую оценку дал Варнгаген фон-Энзе „Борису Годунову“.

Как известно, „Борис Годунов“ был любимым детищем Пушкина. Поэт явно гордился своим созданием. Получив позволение царя напечатать драму, Пушкин писал Плетневу: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с „Борисом Годуновым“, заговорить о Фадее Булгарине?».

Пушкин хорошо понимал значение созданной им вещи. Но современная Пушкину критика этого значения не поняла. Фельетон Надеждина („Телескоп“, 1831 г., № 4) четко отражает, как поняла и приняла русская критика драму Пушкина: «Ни комедия, ни трагедия, ни чорт знает что... В этой связке разговоров нет никакой целостности...».

Понятно, почему Пушкин так ждал переводов своей драмы, и «суда немцев» над нею. Каков же был суд Варнгагена фон-Энзе?

«В „Борисе Годунове“, — писал он, — единство действия везде строго сохранено и органически связует части в одно целое. План, ход и развитие — истинно драматические: впечатление, производимое целым, также имеет совершенно драматический характер... Распределение сцен и диалогов можно назвать в высшей степени мастерским. Обрисовка характеров столь же зрела, сколь разнообразна... Это разнообразие и вместе с тем законченность и типич-

ность каждого отдельного образа показывают, что Пушкин — истинный драматург. Особенно удивительна при этом та скупость средств, которыми Пушкин достигает своей цели. Здесь он непревзойденный мастер: все у него сжато и ярко, целеустремленно и быстро, ничего лишнего, ничего растянутого».

Таково суждение о формальной стороне драмы. Что же касается существа ее, то, по мнению Варнгагена фон-Энзе, уже сама постановка трагической проблемы в „Борисе Годунове“ доказывает всю глубину гения Пушкина.

Но самые восторженные слова нашел критик, говоря о лирике Пушкина. «Здесь, — говорит он, — Пушкин является полным властелином в необозримом могуществе; здесь сверкают самые яркие вспышки того пламени, который горел в тайниках его души. С первого взгляда ясно, что все воплощаемые им ощущения были пережиты им, что они или выражение переворотов судьбы, или страдание и грусть мужественного сердца, или бодрость и надежда сильной души. В веянии этих ощущений дышит сам поэт, дышат его соотечественники, его современники; он отыскивает в их груди самые сокровенные струны, настраивает эти струны и ударяет по ним. Волнения, которые темно и болезненно движутся и борются внутри, освобождаются очарованием его выражения и вырываются на свет, радостные и сияющие. Как глубоко, как могущественно вскрыл Пушкин в своих песнях сердце своего народа, видно из того, что эти песни проникли во все уголки России, что они перелетают там из уст в уста, везде возбуждают восторг и вдохновение. Мало того, что они вполне удовлетворяют лирическому чувству народа: они еще возвышают его требования и умножают его богатство поэтическим сокровищем...».

И, заключая свою статью, Варнгаген фон-Энзе восклицает: «Одной песни Пушкина достаточно, чтобы русская поэзия смело поставила себя в ряд со всякой другой поэзией, достигшей высочайшей ступени развития».

Это было между прочим первое признание, что русская литература вошла полноправным членом во всемирную литературу. И этим она была обязана Пушкину.

IX

Статья Варнгагена фон-Энзе не прошла бесследно. Она вызвала много отголосков. Нужно думать, что она способствовала увеличению числа переводов из Пушкина и тем самым расширила и укрепила знакомство европейского читателя с его произведениями.

Однако не следует предполагать, что вся западноевропейская критика решала вопрос о значении Пушкина в полном единомыслии с Варнгагеном фон-Энзе. Презрительное отношение к русской культуре вообще и к литературе в частности, продолжавшее жить в некоторых кругах, по инерции переносилось и на Пушкина. Характерный образчик этой инерции мы находим в высказывании некоего маркиза де-Кюстина, побывавшего в 1839 г. в России и оставившего записки об этом путешествии, изданные в 1843 г.¹ В третьем томе этих записок Кюстин рассказывает о дуэли Пушкина и так раскрывает свое отношение к нему: «Превозносят его стиль, но добиться такого признания легко человеку, родившемуся в некультурной стране, в эпоху всеобщей утонченной цивилизации. Ему достаточно только собирать чувства и мысли, произрастающие у соседних наций, и он уже будет казаться оригинальным у себя дома. Он хозяин своего языка, потому что язык этот не имеет устоев; и, чтобы составить эпоху у такого невежественного народа, окруженного просвещенными нациями, этому писателю нужно только переводить, не затрудняя себя собственными мыслями. Подражатель, и только подражатель, он будет расцениваться как создатель».

Можно было бы не обратить внимания на разглагольствования путешествующего маркиза. Но повторяю, что этот образец характерен для некоторых иностранных кругов того времени в их отношении к России вообще. Подобное высокомерие, переносимое на Пушкина, мы встречаем и у некоторых критиков. Однако с полной уверенностью можно сказать, что таких критиков было уже явное меньшинство, и не они создавали тон.

Сороковые и пятидесятые годы прошли, в общем, под знаком высокого внимания к Пушкину и высокой оценки его значения. Во Франции продолжал подымать его имя на щит Мицкевич. Он много говорил о Пушкине в лекциях, читанных в 1840 г. в Collège de France.² Обращает на себя внимание оценка, данная им прозе Пушкина: «Его проза изумительной красоты. Она беспрестанно и неприметно меняет краски и приемы свои. С высоты оды снисходит до эпиграмм, и среди подобного разнообразия встречаешь сцены, достигающие эпического величия».

¹ La Russie en 1839 par le Marquis de Custine, Paris, 1843, 4 тома.

² Лекции Мицкевича имели резонанс и в Германии. Все, что говорилось в них о Пушкине, было перепечатано в 1843 г. в журнале „Jahrbücher für slavische Litteratur, Kunst und Wissenschaft“.

Это было, кажется, первое на Западе авторитетное слово о пушкинской прозе, и оно, быть может, в немалой степени способствовало прорыву той блокады, которую проводил Булгарин, не пуская в Европу сочинения «неблагонадежного сочинителя».

Критика сороковых и пятидесятих годов все внимательней и глубже начинает вглядываться в творчество Пушкина. Эта углубленность отразилась прежде всего в оценке самого творческого метода поэта. Если критика двадцатых и тридцатых годов, за исключением одного, пожалуй, Варнгагена фон-Энзе, почти безоговорочно причисляла Пушкина к числу романтиков, то в рассматриваемую эпоху романтизм почти уже не связывается с именем Пушкина; его творчество определяется теперь как реализм. Именно это и позволило ряду критиков не только отрицать зависимость Пушкина от Байрона, но и поставить русского поэта выше английского.

«В своих произведениях, — писал немецкий критик Вольфзон (1843),¹—Пушкин оставил России драгоценное наследство, на которое она может смотреть с чувством гордости и удовлетворения, несколько не завидуя поэтическим сокровищам других народов». Основной аргумент для подобного утверждения Вольфзон находит в том, что «произведения Пушкина отмечены редкою жизненной правдой заключающихся в них образов».

Еще более четко сформулировано это положение в неподписанной автором статье французского журнала („Illustration“, 1845): «Редкий поэт обладал таким живым чувством действительности и такой способностью воспроизведения реальной жизни». Эта черта творчества Пушкина позволяет автору статьи выразить убеждение, что «Пушкин бесспорно делается достоянием всего читающего мира, и его прекрасные произведения, как „Евгений Онегин“ и прозаические повести, особенно „Капитанская дочка“, завоевывают симпатии французской публики и внушат ей любовь к этому истинному, самобытному, блестящему, поэтическому таланту». Как мы видели раньше, надежды французского критика полностью оправдывались, и особенно как раз в отношении „Капитанской дочки“.

Французский критик Сен-Жюльен в 1847 г. посвятил русскому поэту обширную статью „Пушкин и литературное движение в России за последние сорок лет“.² Эта статья необычайно интересна и сейчас еще поучительна для многих критиков. Сен-Жюльен подчеркнул глубину и многообразие творчества Пушкина. Он указал, что

¹ Die Schönwissenschaftliche Litteratur der Russen, Leipzig, 1843.

² Revue des Deux Mondes, 1847, т. XX, стр. 42—79.

далеко не все постигли эту глубину и многообразие. Те, кто видели в Пушкине только национального поэта, проглядели «космополитические элементы его поэзии». Те же, кому бросились в глаза только эти космополитические элементы, не заметили за ними национальной основы пушкинского творчества. Такая односторонность и позволила этой второй категории критиков говорить о подражательном характере поэзии Пушкина. Опровергая этот взгляд, Сен-Жюльен заявил, что само миропонимание Пушкина резко отличает его от всех тех, кого ему хотят навязать в образцы. И он поставил Пушкина выше всех его западноевропейских современников, ибо их творчество страдает от условностей и доктринерства, а творчество Пушкина проникнуто полнотой жизни и правдой. «Как можно говорить о подражании Пушкина Байрону, — говорит Сен-Жюльен, — когда английский поэт рисовал только образы, созданные его фантазией, а Пушкин претворял в образы реальную жизнь». Этой реальностью отличаются и все исторические образы, созданные Пушкиным, что особенно подчеркивает мощь его поэтического гения. Сен-Жюльену ясно мировое значение Пушкина, но не менее ясна ему и та роль, которую сыграл Пушкин в развитии русской литературы. «Русская литература, — пишет он, — обязана Пушкину возвращением на путь народности и самобытности, утраченной в период подражания западным образцам. Пушкин создал школу, из которой вышла вся позднейшая русская литература, литература реализма».

К точке зрения Сен-Жюльена отчасти примыкает Фридрих Боденштедт, поместивший в третьем томе своих переводов из Пушкина (1855 г.) обширную биографическую и критическую статью о нем. Боденштедт, признавая некоторое влияние Байрона на Пушкина раннего периода, считал это влияние скорее губительным¹ (*verderblich*), чем плодотворным. По существу же он противопоставлял Пушкина Байрону, утверждая, что английский поэт превосходит Пушкина силой фантазии, но уступает ему в естественности и правдивости изображения. «Впрочем, — резюмирует Боденштедт, — что бы ни говорили о поэтических произведениях Пушкина, с какой бы стороны их ни обсуждали, в одном должны согласиться все: каждое его произведение выполняет благороднейшую задачу поэзии—

¹ Интересно, что в этом мнении Боденштедт целиком совпадает с Мицкевичем. В некрологе 1837 г. Мицкевич, отметив благотворное влияние поэзии Жуковского на юного Пушкина, с сожалением замечал: «Но Байрон слишком рано похитил его из этой хорошей школы и увлек в фантастические пустыни и пещеры романтизма».

отобразить в художественной форме кусок человеческой жизни». Это была прекрасная формула реалистического искусства, и она целиком распространялась на Пушкина.

В предисловии к первому тому своих переводов Боденштедт сравнивает роль Пушкина в России с ролью Гёте в Германии и подчеркивает, что поэзия Пушкина в высшей степени народна, но вместе с тем близка и понятна каждому иностранцу. Особенно высоко ставит он „Евгения Онегина“, которого он сравнивает по значению с „Фаустом“ Гёте и ставит его «в ряд величайших поэтических творений всех времен и всех народов» (стр. XI—XIV).

В связи с Боденштедтом я остановлюсь на статье лондонской газеты „Atheneum“ (15 марта, 1855). Это была одна из многочисленных статей, вызванных появлением трехтомника Боденштедта. Отдав дань удивления своеобразию „Евгения Онегина“ и „Бориса Годунова“, автор английской статьи замечает: «Нет ничего нелепее пустой фразы, которую бросаются иные сверхумные критики, заявляя, что творчество Пушкина есть лишь подражание байроновскому. Конечно, британская муза оказала известное вдохновляющее влияние на русского поэта, но самобытность его лучших произведений должна быть ясна каждому».

Заметной работой о Пушкине является статья В. Ч. Бендля, опубликованная в „Časopis Českeho Musea“ в 1854 г. О Пушкине в Чехии много писали и раньше, но это была первая статья, претендующая на известную самостоятельность. Сам Бендль много переводил из Пушкина. Его переводы, значительно уступая по качеству немецким переводам Боденштедта, сыграли, однако, в деле ознакомления чехов с Пушкиным такую же роль, как и боденштедтовские в Германии. Бендль необычайно высоко ценил формальное мастерство Пушкина. И этому вопросу он уделяет много места в своей статье. Не обинуясь, он утверждает, что совершенством формы Пушкин превосходит Байрона. А совершенство пушкинской формы, Бендль увидел в необычайной ее простоте и в скупости изобразительных приемов, создающих тем не менее огромное впечатление.

В сущности, Бендль не первый поднял вопрос об этой стороне пушкинского творчества. Как мы видели, Варнгаген фон-Энзе тоже удивился скупости средств, которыми Пушкин добивается своей цели; касались этого вопроса и другие. Но исключительное внимание ему и вообще вопросам пушкинского стиля посвятил Проспер Мериме, который, подобно Варнгагену фон-Энзе, изучал русский язык, чтобы читать Пушкина в подлиннике. Статья Проспера Мериме

о Пушкине появилась в 1868 г.¹ Статья эта не очень велика по объему, но она—результат более чем двадцатипятилетней работы над Пушкиным.

По собственному признанию Мериме (в письмах к Лагрэнэ), Пушкина открыл ему С. А. Соболевский, который познакомился с Мериме в свой первый приезд в Париж в 1829 г. Но можно думать, что и до знакомства с Соболевским Мериме уже слышал о Пушкине в салоне мадам Ансло. В этом салоне разговоры о Пушкине, несомненно, были, ибо Жак Ансло в 1826 г. побывал в России и в своей книге об этом путешествии (Париж, 1827) опубликовал перевод пушкинского „Кинжала“.²

Однако, роль Соболевского как первого руководителя Мериме в изучении Пушкина не подлежит сомнению. Это убедительно вскрывает работа А. К. Виноградова: „Мериме в письмах к Соболевскому“ (М., 1928). Но в этой работе есть одно странное недоразумение. Из нее приходится сделать вывод, что Мериме, заинтересовавшись Пушкиным из рассказов Соболевского, стал сначала изучать русский язык и, только овладев им в достаточной мере, приступил к чтению Пушкина сразу по-русски. Для А. К. Виноградова в этом нет сомнения. Он уверен, что Мериме и не мог познакомиться с творчеством Пушкина в переводах, ибо таковых, по его мнению, и не было. Вот что утверждает А. К. Виноградов: «15 июля 1849 г. в №11 „Revue des Deux Mondes“ выходит первый перевод Пушкина на французский язык (если не считать ненапечатанного перевода „На выздоровление Лукулла“, сделанного Жобаром), сделанный по совету Соболевского: „La dame de pique“ (стр. 97).

Это свое утверждение А. К. Виноградов основывает на факте, который он заимствует из книги Шамбона „Notes sur Prosper Mérimée“ (1902): «25 февраля 1849 г. в № 11 „Revue des Deux Mondes“ Мериме вступает в спор о Пушкине с Ламартином на обеде у Биксио... Тут присутствуют Делакруа, Мейербер и Скриб, который под влиянием этого разговора написал драматический этюд „Пиковая дама“. Ламартин объявил, что он читал Пушкина, а Мериме с торжеством ловит Ламартина на том, что Пушкин ни разу не был переведен на фран-

¹ „Alexandre Pouchkine“. *Moniteur Universel*, 1868, январь. Позднее эта статья перепечатывалась во всех изданиях его „Portraits historiques et littéraires“.

² Не нужно забывать при этом, что в 1826 г. в Париже вышел „Бахчисарайский фонтан“ в переводе Шопена, вызвавший панегирическую статью Нэпау в „Revue Encyclopedique“. Таким образом, материала для разговоров о Пушкине было достаточно.

цузский язык». Но к 1849 г. во Франции имелось уже 28 переводов крупных вещей Пушкина как в журналах, так и в отдельных изданиях (не считая нескольких десятков переведенных стихотворений).¹ В 1847 г. появился двухтомник Дюпона, о котором уже говорилось в своем месте. А по поводу этого двухтомника появилась обширная статья Сен-Жюльена как раз в „Revue des Deux Mondes“, — журнал, к которому Мериме стоял очень близко.

Очевидно, Мериме не мог сделать приписанное ему Шамбонаи (а за ним Виноградовым) утверждение. Несомненно, что указанный спор между Мериме и Ламартином действительно имел место.² Но из того обстоятельства, что Мериме в это время заканчивал или закончил свой перевод „Пиковой дамы“ и что Скриб, как указывает Шамбон, написал под влиянием имевшего место разговора драматический этюд „Пиковая дама“,³ можно предположить, что именно о „Пиковой даме“, главным образом, и шел разговор. И вот то, что „Пиковая дама“ ни разу не была еще переведена на французский язык, Мериме мог утверждать, хотя „Пиковая дама“ и появилась на французском языке в 1843 г. Дело в том, что „Пиковая дама“, переведенная Жюльвекуром, была выпущена им без имени Пушкина, вместе с повестью Павлова „Ятаган“ под общим названием „Le Jatagan par Paul Julvescourt“. И, конечно, в таком издании ее легко мог не заметить даже страстный почитатель Пушкина Проспер Мериме.

Совершенно ясно, что если Соболевский открыл Мериме Пушкина, то Соболевский же должен был «открыть» ему и ряд переводов из Пушкина, о существовании которых он безусловно знал.

Так или иначе, но Мериме начал свое знакомство с творчеством Пушкина, несомненно, по переводам. И чтение этих плохих переводов, за которыми можно было, только угадывать величие русского поэта, может быть, больше, чем что-либо другое, побудило Мериме изучить русский язык. Судя по русским письмам Мериме, можно думать, что только в начале сороковых годов он начал с грехом пополам разбирать Пушкина в подлиннике, но к этому времени „Цыганы“ уже прочно сидели у него в голове. „Цыганы“ были его «первой любовью» к Пушкину, и он на всю жизнь

¹ В числе этих 28 переводов было уже 5 переводов „Бахчисарайского фонтана“ и 3 перевода „Цыган“. Непереведенными оставались еще только „Моцарт и Сальери“, „Пир во время чумы“, „Барышня-крестьянка“ и „Капитанская дочка“.

² Делакруа пишет об этом в своем дневнике. Т. I, стр. 346.

³ Скриб написал, собственно говоря, либретто для оперы на тему „Пиковая дама“.

остался верен этой любви. «В конечном счете верхом гениальности и мастерства мне кажутся „Цыганы“» — писал он Соболевскому 31 августа 1849 г.

Великая любовь к Пушкину заставила Мериме приняться за переводы из него. Он начал, по совету Соболевского, с „Пиковой дамы“, которую и сам считал шедевром мировой прозы. Благодаря его переводу (1849) „Пиковая дама“ прочно вошла в сознание французского читателя. Об этом говорит хотя бы признание Марселя Прево, сделанное пятьдесят лет спустя, в юбилейные дни 1899 г.: «On jouait chez Naroumoff lieutenant aux gardes à cheval... — Эти слова, которыми начинается „Пиковая дама“ в переводе Мериме, всплывают в моей памяти каждый раз, когда при мне произносят имя Пушкина...».¹

Не менее интересное доказательство усвоения, или даже уже присвоения, новеллы Пушкина французской литературой мы находим в следующем факте. Французский романист Эмманюэль Гонзалес, посвящая свой роман „Русская княгиня“ (1865) Просперу Мериме, написал в посвящении следующее: «Господину Просперу Мериме, автору „Коломбы“ и „Пиковой дамы“».

Это действительно присвоение. Но, если такой замечательный мастер, как Проспер Мериме, связывался в представлении его французского собрата по перу не с „Кармен“, а с „Пиковой дамой“, это, по моему, блестящий показатель силы впечатления, произведенного новеллой Пушкина во Франции.

После „Пиковой дамы“ Мериме принялся за „Цыган“. Перевести их для Мериме было труднее. Он был убежден, что переводить стихи «пошлой прозой» (по его выражению) невозможно, но другого пути для него не было и, желая во что бы то ни стало дать французскому читателю хотя бы неполное представление о красоте очаровавшей его поэмы, он все же решил перевести ее, тем более, что традиция переводить стихи прозой была вообще усвоена во Франции.² И вот это практическое столкновение пушкинского стиха с французской художественной прозой привело Мериме к выводам, которые он позднее изложил в упомянутой статье. «Невозможно, — говорит

¹ См. E. S é m e n o f f. Alexandre Pouchkine, Paris, 1899, стр. 36. В этой работе собраны высказывания французских писателей о Пушкине в связи с юбилейными днями 1899 г.

² Из рукописей Мериме видно, сколько труда положил он на этот перевод. См. интересную статью M. P a r t u r i e r. Etudes Mériméennes. Un manuscrit des „Bohémiens“ (в „Bulletin du bibliophile“, 20 мая 1933 г., стр. 198—205).

Мериме, — передать на французский язык даже приблизительно сжатость содержания стихов Пушкина. Его образы всегда жизненные и правдивые, никогда не страдают распространенностью, скорее они скупы. Экспозиция поэмы — описание местоположения, изображение быта цыган — занимает всего 17 стихов, а между тем чего же не достает картине?»¹

Эта сжатость содержания, тщательность отбора деталей дает Мериме повод для сравнения Пушкина с Байроном, причем сравнение это оказалось не в пользу английского поэта. «Пушкин одинаково сжат как в форме, так и в содержании и каждый стих его есть плод глубокого обдумывания. Подобно гомеровскому стрелку Пандару, он долго выбирает в колчане прямую и острую стрелу, но зато эта стрела всегда попадает в цель».

Мериме поставил Пушкина в ряд величайших художников всех времен и народов. По его мироощущению он назвал его последним эллином Европы, но он не нашел, с кем сравнить его по силе воздействия его поэзии на человеческие сердца.

X

Во все последующие годы и вплоть до наших дней Пушкин продолжает привлекать внимание западноевропейской критики. Нет возможности охватить здесь даже в самых кратких чертах всю литературу о Пушкине.

Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих восприятие Пушкина последующими поколениями западноевропейской критики.

В связи с открытием памятника Пушкину в Москве в газете „Pester Lloyd“ (1 июня 1880 г.) появилась обширная статья, посвященная Пушкину. Пушкина в Венгрии начали переводить только в шестидесятых годах, и к 1900 г. из крупных его вещей были

¹ Любопытно отметить, что это говорит представитель классической французской прозы, отличительной чертой которой как раз и является искусство быть кратким (*l'art d'être bref*). Вместе с тем интересно, что взгляд французского прозаика целиком совпадает со взглядом Гоголя на эту сторону пушкинского творчества: «Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет... Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина („Арабески. Несколько слов о Пушкине“).

переведены лишь „Евгений Онегин“, „Пиковая дама“, „Метель“ да „Барышня-крестьянка“. Знакомство с Пушкиным шло в Венгрии главным образом по немецким переводам. Автор упомянутой статьи с сожалением отмечает, что Пушкин так мало известен в Венгрии. Он упрекает в этом отношении и другие страны, где значение Пушкина признано и оценено только в узких литературных сферах. «А Пушкин, — говорит он, — по своему значению должен стать достоянием всех образованных народов».

Подробно рассмотрев все произведения русского поэта, автор приходит к заключению, что творчество Пушкина исключительно самобытно и оригинально. «В самой национальной самобытности Пушкина, — пишет он, — таится для нерусских его великое значение, не говоря уже о том общеевропейском интересе, который представляет его творчество». Общеевропейское значение, заложенное в творчество Пушкина, позволяет автору статьи возвести русского поэта на недосыгаемую высоту. «Ни одна литература, — утверждает он, — не может похвалиться личностью, подобной Пушкину, даже в многосторонней германской литературе нет поэта, который мог бы сравниться с ним».

В том же восьмидесятом году появилась книга немецкого критика и публициста И. Гонеггера, посвященная специально русской литературе и русской культуре.¹ Книга Гонеггера очень тенденциозна, ибо автор ее не отличался особыми симпатиями к России. Гонеггер упрекал русское общество в духовной пустоте, проистекающей от неорганического перенимания чуждой культуры и забвения собственной. Такое положение делало, по мнению Гонеггера, большинство русских писателей беспочвенными и малосодержательными. И только Пушкина резко выделял Гонеггер, ибо Пушкин, по его мнению, умел придать русской жизни действительно национальное содержание и внутренний смысл. Поэтому Пушкин — величайший русский поэт, создатель русского реализма.

Несколько иначе подошел к оценке Пушкина Е. Цабель, немецкий критик, стоявший на совершенно иных позициях по отношению к России, чем Гонеггер. Его книга „Литературные прогулки по России“ (Берлин, 1885)² преисполнена глубочайшего уважения к русской литературе. Он негодует против тех, кто продолжает рассмат-

¹ Russische Litteratur und Kultur. Ein Beitrag zur Geschichte derselben. Von J. J. H o n e g g e r. Leipzig, 1880. Пушкину посвящены стр. 176—189.

² Literarische Streifzüge durch Russland. Von E u g e n Z a b e l. Berlin, 1885.

ривать русскую литературу как литературу второго ранга: русская литература давно уже заняла важное место в литературе мировой. Новая русская литература, — утверждает Цабель, — начала складываться под влиянием немецкого романтизма. Гениальнейшими представителями романтической школы в России были Пушкин и Лермонтов. Подобно многим поэтам других стран, они испытали на себе влияние Байрона. Но в отличие от других, это влияние не поработило их, они преодолели его и, оставаясь национально самобытными, вошли в ряд великих европейских мастеров слова.

Но, причисляя Пушкина и Лермонтова к романтикам, Цабель все же усматривает в их творчестве зерно того нового литературного течения, которое оплодотворило литературу Европы и величайшим представителем которого, по его мнению, был «гроссмейстер реализма» Гоголь.

В восьмидесятых и девяностых годах особенно много работ было посвящено Пушкину в Чехии и Польше. В Польше происходил жаркий спор о байронизме Пушкина, о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича. Зачинщиками этого спора были Спысович, Третьяк и профессор Ягеллоновского университета Здзеховский. В работе последнего „Байрон и его век“ (т. II, 1897) обращает на себя внимание восторженное отношение автора к лирике Пушкина. «Имя Пушкина, — говорит Здзеховский, — это синоним света, красоты и высокой прелести. Очарование его лирики насильно проникает в душу, наполняет ее цветами самой чистой красоты. Но она неуловима, эта красота, можно только чувствовать ее и молча ею восхищаться». Это очарование пушкинской лирики Здзеховский объясняет тем, что поэзия Пушкина, отражая в себе боли и радости людские, сумела стать на рубеже между холодным объективизмом Гёте и страстным субъективизмом романтиков — Байрона, Мицкевича и других, — объяснение, заставляющее вспомнить взгляд Варнгагена фон-Энзе на значение Пушкина.

Столетие со дня рождения Пушкина, отпразднованное в России, нашло широкий отклик и за границей.¹ Золя назвал пушкинские

¹ Я не остановился на ряде „Историй всеобщей литературы“, появившихся в Германии в девяностых и девятидесятых годах, хотя все эти работы уделили место Пушкину. Нужно сказать, что большинство этих работ, призванных давать наиболее отстоявшиеся точки зрения, мало удовлетворительно. Больше других заслуживает внимания работа О. Л а й к м е р а „Geschichte der fremden Literaturen“, 1898. Упомяну, между прочим, что первую оценку Пушкина в истории всеобщей литературы мы встречаем у Теодора Мундра в его „Geschichte

дни 1899 г. праздником всей цивилизации. Около трех месяцев имя Пушкина не сходило со столбцов зарубежной печати. В одной только Германии появилось свыше 50 статей, посвященных Пушкину, и около 40 статей в Чехии, свыше 30 во Франции и т. д. Приходится с сожалением констатировать, что и этот материал, как и газетный материал 1837 г., не собран полностью и не описан. Исключение опять составляет немецкий материал, частично описанный М. Веневитиновым в брошюре „Немцы о Пушкине в 1899 г.“¹

Европейская печать сплела Пушкину огромный венок словесный. Это были не общие места, не юбилейные отписки, не дипломатические любезности «дружественных» держав. Доказывается это хотя бы тем, что официозные консервативные органы типа прусской „Крестовой газеты“ составляли как раз исключение из общего тона. „Крестовая газета“, например, ханжески порицала Пушкина за создание „Евгения Онегина“. «Знаменитый „Евгений Онегин“, — говорилось в газете, — обличает в авторе низменный уровень понятий, так как он выдвигает героя с душой низкой, глухой к нравственным запросам».

Однако уже тот факт, что „Крестовая газета“ называет роман Пушкина знаменитым, показывает, что „Евгений Онегин“ получил в Европе широкую известность. Так оно и было на самом деле, и так было не только с „Евгением Онегиным“. Все многочисленные оценки творчества Пушкина, появившиеся в пушкинские дни на Западе, построены не на материале из вторых рук, но показывают, что авторы их хорошо знают творчество Пушкина в полном объеме. Правда, не все произведения Пушкина были оценены ими по достоинству. Так, почти вся западноевропейская критика прошла мимо „Медного всадника“, не осознав и не почувствовав великолепия этой поэмы. Так, проза Пушкина, давно и глубоко оцененная во Франции, ждала еще своей истинной оценки и в Германии. Но „Евгений Онегин“, „Борис Годунов“, „Моцарт и Сальери“, „Скупой рыцарь“, „Каменный гость“, „Цыганы“ (не говоря уже о лирике) были единогласно (голоса „Крестовых газет“ не в счет) признаны шедев-

der Literatur der Gegenwart“, т. II, Berlin, 1842. Коснулись Пушкина и Грессе (1850) и Шерр (1863) в своих трудах по истории всемирной литературы.

¹ Описание Веневитинова охватывает лишь коллекцию вырезок (числом 90) из немецких газет, собранную М. П. Щепкиным и подаренную им „Публичной библиотеке“. Описание Веневитинова было опубликовано в „Русской старине“, 1900, т. 102, стр. 369—412 и т. 103, стр. 83—111. Имеется и отдельный оттиск.

рами мировой литературы. Некоторые лирические пьесы Пушкина выдвигались как образцы недостижимого вдохновения. В числе их называли обыкновенно: „Пророк“, „Поэту“, „Чернь“, „Воспоминание“, „Для берегов отчизны дальней“, „Талисман“, „Анчар“ и т. д. «Нельзя забыть эти стихотворения, прочтя их хоть раз», — писал, например, Цабель об „Анчаре“ и „Талисмане“.

Значение Пушкина критика 1899 г. видит в том, что Пушкин создал реалистическую поэзию. Одна из газет („Гамбургский листок“, № 18) особенно подчеркивает, что зрелые произведения Пушкина не отмечены ни романтизмом, ни доктринерством; они реалистичны, и реализм их не зависит от злобы дня. Это признание реалистического начала в творчестве Пушкина позволяет немецкой критике безоговорочно возвысить его над Байроном. «Уж в „Цыганах“, — пишет Энгельгард, — Пушкин возвышается над Байроном. Он создает в Алеко и в старике такие поразительные по реализму и жизненной правде типы, какие мы тщетно стали бы искать у Байрона». Разбирая „Евгения Онегина“, тот же Энгельгард замечает: «Типы Татьяны, Евгения и Ленского, равно и общие поэтические качества этого произведения, ставят его гораздо выше байроновского „Дон-Жуана“».

Примерно так же высказались критики Шик и Цабель.

И французская и английская печать 1899 г. признала мировое значение Пушкина, признала, как выразился один из французских авторов, что «Пушкин входит в Пантеон гениев всего цивилизованного мира». Очень любопытна статья в парижском журнале „Revue blanche“ (от 15 июня), в которой, помимо общего очерка жизни и творчества Пушкина, был поставлен акцент на большем прогрессивном значении поэзии Пушкина по сравнению с поэзией Байрона. Ибо английский певец в своем протесте, в своей духовной изолированности потерял всякую веру в будущее, Пушкин же, который, как и Байрон, видел все пороки цивилизованного общества, никогда этой веры в будущее не терял.

Пражская газета „Politika“ в пушкинские дни поместила на своих страницах десять статей о Пушкине. В передовой (№ 153 от 3 июня), посвященной значению пушкинского творчества вообще, и для славянских стран в частности, газета писала так: «Пушкин — это солнце, лучи которого согревают весь мир. Эти лучи зажгли и в чешских сердцах свет и счастье, ласковым теплом пробудили к жизни дремлющие ростки на чешской поэтической ниве».

Тридцать семь лет отделяют нас от пушкинских дней 1899 г. За это время западноевропейская критика дала о Пушкине несколько ценных работ, как, например, монографию профессора Сорбонны Эмиля Омана, вышедшую в Париже в 1911 г.¹ За это время значение Пушкина было оценено и в тех странах, которые раньше едва интересовались им. Так, в Дании переводчик „Евгения Онегина“ во вступительной статье к своему переводу (1930 г.) поставил имя Пушкина рядом с именем Шекспира и Гёте.²

За это время проза Пушкина получила высшее признание и в Германии.

И вот, наконец, формула, рисующая отношение к Пушкину западноевропейской критики XX века: «... *Новейшее время знает, что Александр Сергеевич Пушкин принадлежит к числу тех бессмертных, первым представителем которых был Гомер и которые насчитывали в Европе еще лишь имена Данте, Шекспира, Кальдерона и Гёте. К этим бессмертным пяти примыкает шестым Пушкин*». ³

XI

В предыдущих главах был дан ответ на вопрос: как относилась иностранная критика к Пушкину. Ряд приведенных примеров убеждает, что эта критика признала Пушкина мировым писателем.

¹ E m i l | H a u m a n t. Pouchkine. Paris, 1911, 233 стр. В этой работе, начисто отрицающей байроническое начало в творчестве Пушкина, автор характеризует его как носителя французского духа и французского стиля. Основание для такой характеристики автор находит прежде всего в лаконизме поэзии и прозы Пушкина, в полном отсутствии в них фразы (absence de toute cheville). «Но, — говорит Оман, — каков бы ни был характер его поэзии — русский, французский или франко-русский, — она прежде всего поэзия пушкинская» (стр. 214). Оценивая далее значение Пушкина, Оман формулирует: «Он принадлежит России, но он принадлежит и Франции и всему миру» (стр. 217).

Интересно сопоставить мнение Омана о французском характере стиля Пушкина с мнением Мериме, которое он высказал в письме Соболевскому (31 августа 1849 г.): «Я нахожу, что фраза Пушкина звучит совсем по-французски; я, конечно, имею в виду французский язык XVIII в., так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют» (В и н о г р а д о в, указанная работа, стр. 100).

² В Голландии в 1922 г. вышла работа Н. в а н - В е й к а — „Место Пушкина в мировой литературе“, но я, к сожалению, не мог с нею ознакомиться.

³ J. V. G u e n t h e r. Puschkin (Der Hippogryph. Zweites Heft. München. 1923). И. Гюнтер — один из крупнейших переводчиков Пушкина на немецкий язык.

Посмотрим теперь, оказало ли творчество Пушкина какое-либо влияние на западноевропейскую литературу, вошли ли иные из его образов в общую поэтическую атмосферу (по выражению Варнгагена фон-Энзе), стали ли они материалом и составной частью новых поэтических созданий.

Нужно заметить, что дать ответ на этот вопрос наиболее затруднительно, ибо он требует такого знания иноязычных литератур после-пушкинского периода, какое, пожалуй, не под силу одному исследователю. Поскольку, тем более, вопрос этот ставится впервые и по нему нет еще накопленного материала, я не собираюсь разрешить его в полном объеме и ограничусь лишь несколькими примерами.

Говоря выше о переводах из Пушкина, я указывал, что известный немецкий поэт Адальберт Шамиссо перевел в 1829 г. „Шотландскую песню“ Пушкина. Поскольку этот перевод очень свободен, мы можем говорить здесь о подражании (в узком смысле слова) Пушкину. Еще больше оснований для такого утверждения дает нам тот факт, что Шамиссо ввел это стихотворение в качестве оригинального в собрание своих сочинений.

Этой же „Шотландской песне“ Пушкина подражал другой крупный немецкий поэт — Гофман фон-Фаллерслебен, опубликовавший свое подражание под названием „Убитый рыцарь“ в 1829 г. Позднее Фаллерслебен также включил подражание Шамиссо в собрание своих сочинений, но уже с заглавием „Неверная“, не указав при этом источника заимствования.¹

У знаменитого немецкого поэта Ленау мы встречаем стихотворение „Засохшая роза“ (1844):

В раскрытой книге я увидел
Засохшей розы лепесток.
Когда и где и чьей рукою
Был сорван для меня цветок?
Но память, потускнев, обманет.
Увы! мой вечер наступил.
Увяну я, и те увянут,
Кого я знал, кого любил.

¹ Не подлежит сомнению, что и Шамиссо и Фаллерслебен подражали именно Пушкину, а не английскому источнику. Шамиссо сам указал на это, у Фаллерслебена это вскрывается из анализа его текста. Английская баллада, легшая в основу стихотворения Пушкина, была, конечно, известна и в Германии: ей подражал Теодор Фонтане в стихотворении „Два ворона“. Тем любопытнее, что Шамиссо и Фаллерслебен обратились не к английскому первоисточнику, а к той трактовке, которую придал ему русский поэт.

Здесь, как видим, первая строфа почти целиком воспроизводит две первые строфы стихотворения Пушкина. Да и по всему тону это стихотворение очень близко к пушкинскому „Цветку“.

Но гораздо любопытнее и значительнее столкновение с пушкинским материалом в одном стихотворении Генриха Гейне. Стихотворение это называется „Где?“ и относится к концу тридцатых годов.

Где последний час покоя
Рок усталому пошлет?
Там на юге, в пальмах, в зное?
Иль среди лип, у рейнских вод?
Буду ль я зарыт в пустыне
Равнодушною рукой?
Иль у скал, где море сине,
Опущусь в песок сырой?
Все равно. Везде отрадой
Будет свод небесный мне,
И надгробною лампадой —
Эти звезды в вышине.¹

Совершенно ясно, что поэт, написавший эти строки, отразил в них два стихотворения Пушкина: „Дорожные жалобы“ („Долго ль мне гулять на свете...“) и „Брожу ли я вдоль улиц шумных...“. Три последние строфы этой элегии особенно настойчиво заставляют себя вспомнить:

И где мне смерть пошлет судьбина,
В бою ли, в странствии, в волнах,
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах, и т. д.

Без сомнения, у немецких поэтов можно было бы найти немало отзвуков лирики Пушкина, — нужно только поискать. Даже у позднейших поэтов совершенно неожиданно вскрываются следы внимательного чтения пушкинских стихов. Так, у Райнера Марии Рильке (родился в 1875 г.) мы встречаем ряд стихотворений, носящих те же названия, что и у Пушкина. Совпадение в названии одного-другого стихотворения, конечно, ничего еще не говорит: любой поэт, независимо ни от кого, может написать стихотворение „Осень“ или „К морю“. Но когда перед вами встает вереница заглавий: „Ангел“, „Пророк“, „Красавица перед зеркалом“, „Леда“, „Осень“, „Поэту“, „К морю“ — вы должны будете сказать: этот поэт читал Пушкина и думал над ним. У Рильке это подтверждается еще и тем обстоятельством, отмеченным уже и немецкой критикой, что прообразом

¹ Перевод Вс. Рождественского.

для инока в его „Stundenbuch“ послужил, несомненно, пушкинский Пимен.

Заметное влияние лирики Пушкина на творчество сербских поэтов Станко Врза (1810—1851) и Д. Деметера (1811—1872) отмечает профессор Миливой Шрепель в статье „А. С. Пушкин в хорватской литературе“.¹

Не осталась без влияния Пушкина и болгарская лирика. Так, один из крупнейших болгарских поэтов Иван Вазов (1850—1921) в стихотворении „Борьба“ подражал пушкинскому стихотворению „Чернь“. Вазовское „Письмо к В.“ И. Д. Шипманов не без основания сравнивал с пушкинским стихотворением „Городок“.² Он же указал на зависимость вазовского „Отца Паисия“ (из эпопеи „Поля и горы“) от пушкинского Пимена.

Вдохновлялся лирикой Пушкина и замечательный чешский поэт Ярослав Врхлицкий (1853—1912),³ написавший, между прочим, два прекрасных стихотворения о Пушкине.

Гораздо легче вскрывается в иноязычных литературах воздействие крупных произведений Пушкина. Не будь „Цыган“ Пушкина, Проспер Мериме, возможно, не так написал бы свою „Кармен“. Плодотворное влияние поэмы Пушкина на разработку характеров в повести Мериме слишком очевидно. Этого не отрицает и французская критика. Но за всем этим я отнюдь не собираюсь называть Мериме подражателем. Повесть Мериме только доказывает лишний раз, как были не правы те, кто называл подражателем Пушкина, и как прав был Варнгаген фон-Энзе.

Еще раньше, чем Мериме, поддался очарованию пушкинской поэмы безвременно умерший чешский поэт Карл Маха (1810—1836). Его поэма и называется так же, как у Пушкина: „Цыганы“. Чешский критик Маха указывает еще на некоторые черты сходства с „Цыганами“ Пушкина в поэме Зигфрида Галека „Гоар“ (1835—1874).⁴ Откровенно подражал поэме Пушкина немецкий поэт Мюллер фон-дер-Верра (1823—1881) в своей поэме „Цыгане“.

¹ См. сб. Я г и ч а — „Пушкин в южнославянских литературах“, стр. 57—58.

² Сб. Я г и ч а, стр. 32.

³ См. А. Степанович — „Ярослав Врхлицкий и русская литература“, в сб. статей в честь акад. Соболевского, Л., 1928, стр. 139. Степанович указывает еще на влияние сказочных мотивов Пушкина в сказке Врхлицкого „O zlatém Klicí“.

⁴ M á s h a l. A. S. Puškin (Slov. Prehled, 1899, № 9 и 10).

„Полтава“ Пушкина, довольно холодно принятая западноевропейской критикой, вызвала, однако, к жизни несколько драматических произведений на Западе. Под влиянием „Полтавы“ написаны трагедия „Мазепа“ чешского драматурга Йосифа Фрича (1855), драма немецкого драматурга Карла Штарка „Битва под Полтавой“ (1859) и трагедия „Мазепа“ немецкого поэта и драматурга Рудольфа Готшала (1873). Хотя из всех названных Готшалль наиболее добросовестно изучал исторические материалы, он, однако, ближе всех остался к поэме Пушкина в изображении главных характеров.

Выше уже указывалось отражение образа пушкинского Пимена у Рильке и у Вазова. Но „Борис Годунов“, наряду с „Евгением Онегиным“, наиболее горячо принятый западноевропейской критикой, неминуемо должен был отразиться гораздо полнее в иноязычных литературах. Я не останавливаюсь более подробно на этом вопросе и не привожу примеров только потому, что вопрос этот совсем недавно был детально обследован М. П. Алексеевым в интересной статье „Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме“. ¹ М. П. Алексеев пришел в результате к выводу, что пушкинский „Борис Годунов“ оказал весьма сильное влияние на европейскую драматургию, преимущественно немецкую. Это признают и многие европейские исследователи.

При этом хочется подчеркнуть, что в ряду драм, отмеченных влиянием „Бориса Годунова“, стоит и драма немецкого драматурга Генри Гейзелера „Дети Годунова“, написанная в 1923 г. Отсюда можно заключить, что влияние Пушкина на западноевропейскую литературу живо и до нашего времени, чего о Байроне, например, сказать никак нельзя.

Сильное влияние оказал Пушкин всем своим творчеством, и особенно „Евгением Онегиным“, на чешского писателя Густава Пфлегера (1833—1875). Начало поэтической деятельности Пфлегера отмечено влиянием Байрона, и любопытно, что от этого влияния освободил его, по собственному признанию Пфлегера, не кто иной, как Пушкин. Особенно любопытно это должно быть тем, кто причисляет Пушкина к байронистам.

Пфлегер познакомился с Пушкиным по чешским переводам Бенделя и по немецким переводам. Огромное впечатление произвел на него „Евгений Онегин“, и „Онегину“ обязан своим появлением стихотворный роман Пфлегера „Пан Вышинский“. Вот что пишет

¹ См. сб. „Борис Годунов“ А. С. Пушкина, под редакцией К. Н. Державина. Л., 1936, стр. 81—124.

по этому поводу Пфлегер в своих записках: «Однажды вечером я перечитывал Пушкина, именно — его „Онегина“. И вдруг у меня родилась мысль. Я понял, что мне нужно. Реальность, именно идеальная реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей такими, каковы они есть, только в своего рода возвышенном одеянии: вот что я понял вдруг. Раньше я замышлял написать что-либо в жанре „Чайльд Гарольда“. Теперь я выбросил из головы чешского Чайльда. В тот же вечер без всякого плана набросал две первые строфы „Вышинского“.

Герой романа Пфлегера, Владимир, чертами своего характера напоминает Онегина. Точно так же друг Владимира, Ярослав, является родным братом Ленского, а героиня романа, Лидка, в которую влюблен Владимир, во многом напоминает Татьяну. По образцу „Онегина“ сделана и вся композиция романа: развитие действия перебивается отступлениями, в которых автор останавливается на личных переживаниях, на критике современных литературных и общественных отношений. Роман Пфлегера отображает чешскую действительность, и то, что его герои чертами характера перекликаются с пушкинскими героями, лишь подчеркивает европейскую значимость Пушкина.

Не только поэтические произведения, но и проза Пушкина оказала известное воздействие на европейскую литературу. Чтобы доказать это, я приведу лишь одно высказывание Марселя Прево, начало которого уже цитировалось мною, когда я говорил о переводе „Пиковой дамы“, сделанном Мериме. Вспоминая о первом впечатлении, произведенном на него „Пиковой дамой“, Марсель Прево пишет: «Я вновь вижу себя юношей, влюбленным в литературу, жадно стремящимся овладеть искусством мастеров новеллы. Я вижу себя изучающим этот маленький шедевр, размышляющим над ним. Я так часто перечитывал его, что, наконец, выучил его наизусть. Несомненно, и сам Мериме, так прекрасно передавший нам „Пиковую даму“, несколько обязан Пушкину в умении строить простую и напряженную новеллу.¹ Да и Мопассан не оставался

¹ О влиянии прозы Пушкина на Мериме говорит и проф. Оман в своей монографии, да и многие другие французские исследователи. Из русских исследователей только А. К. Виноградов подошел к этому вопросу в цитированной мною книге „Мериме в письмах Соболевскому“. Вот его вывод: «Не преувеличивая влияния пушкинской прозы на знаменитого французского новеллиста, мы можем все же назвать это влияние Пушкина огромным, хотя, конечно, сама французская проза XVIII в., оказывая воздействие на Мериме, не менее чем Пушкин, отбила у него вкус к напыщенности и пафосу Виктора Гюго» (стр. 325)

без влияния автора „Пиковой дамы“; во всяком случае, он тоже внимательно читал его и размышлял над ним». ¹

Если прибавить к этому, что одна из новелл Анри де-Ренье, „Тайна графини Варвары“, носит на себе явные следы хорошего знакомства автора с сюжетом „Пиковой дамы“, ² то мы убедимся, что почти все крупнейшие новеллисты Франции, ее лучшие мастера короткого рассказа «внимательно читали Пушкина, размышляли над ним и кое-чем ему обязаны».

Я не собираюсь, как сказано, представить исчерпывающую картину пушкинского влияния в мировой литературе. Разработка этого вопроса только теперь должна начаться по-настоящему. Нельзя обойти следующий примечательный факт. Известно, что чем прочней укрепляется мировой авторитет писателя, тем чаще пользуются мотивами его творчества другие смежные искусства, тем охотнее делают его произведения предметом театрализованного зрелища. Большое число русских опер и балетов на пушкинские сюжеты подтверждает его авторитет в национальном масштабе. То обстоятельство, что эти оперы пользуются большим успехом в Западной Европе, относится, конечно, в большей степени к европейскому значению русских композиторов. Но тот факт, что сюжеты Пушкина часто и охотно обрабатываются для театра европейскими композиторами и драматургами, всецело относится уже к европейскому значению Пушкина.

В 1838 г. Вальтер Гёте (внук великого поэта), ученик Мендельсона, положил на музыку „Цыган“ Пушкина и одну из своих музыкальных фантазий назвал „Кавказский пленник“. В 1849 г. знаменитый Скриб сделал оперное либретто на сюжет „Пиковой дамы“, музыку к которому написал Галеви. Первое представление этой оперы на парижской сцене было в 1850 г. В 1853 г. немецкий композитор И. Арнольд написал увертюру „Борис Годунов“. В начале

Впрочем, сам Проспер Мериме откровенно признается, что Пушкин был для него образцом, к которому он стремился. Вот строки из письма Мериме Соболевскому (от 14 апреля 1832 г.), в котором он рассказывает о своей работе над книгой о Лжедмитрии: «Но тут, стремясь подняться до Пушкина, я решил отказать от своего проекта и написал самую простую историю».

¹ См. упоминавшуюся выше работу Семенова, стр. 36—37.

² См. статью Л. Н. Гроссмана — „Пиковая дама и новелла Ренье“ в сб. его „От Пушкина до Блока“, М., 1926, стр. 66—72; вторично — в собрании сочинений, т. I, М., 1928, стр. 211—216. В своей статье Л. П. Гроссман с полным основанием утверждает, что «близость этой новеллы к „Пиковой даме“ очевидна. Все элементы пушкинского сюжета здесь сохранены лишь с незначительными видоизменениями».

шестидесятых годов Ф. Зуппе написал оперетту „Пиковая дама“, педшую в Граце в 1864 г. В 1867 г. Сен-Леон написал балет „Золотая рыбка“ по сказке Пушкина. В 1870 г. в Брюсселе шла опера „Русалка“ на сюжет Пушкина, музыка Де-Местр, либретто Э. Морвана. В 1870 г. чешский драматург Йосиф Колар сделал оперное либретто на сюжет „Бахчисарайского фонтана“, музыку к нему написал Леопольд Мехура. Первое представление этой оперы состоялось в Праге в феврале 1871 г. В 1872 г. сербский композитор Зайц написал оперу „Лизинька“ (Lizinka) на либретто И. Томича, сделанному по „Барышне-крестьянке“. „Барышня-крестьянка“ вообще довольно часто привлекала к себе внимание европейских драматургов. В девяностых годах сербский драматург Милорад Попович переработал повесть Пушкина в комедию. В посмертных сочинениях немецкого драматурга Гейзелера, опубликованных в 1929 г., имеется несколько сцен из незаконченной комедийной переработки той же „Барышни-крестьянки“.

Из других произведений Пушкина „Арап Петра Великого“ послужил материалом для драмы известного немецкого драматурга Рихарда Фосса (1883).¹

В 1911 г. на парижской сцене шел балет Люсьена Ламбера „Русалка“. Ряд стихотворений Пушкина был положен на музыку немецкими и французскими композиторами.

Упомяну еще в этой связи, что, начиная с 1906 г., пушкинские произведения прочно вошли в кино. Сейчас зарегистрировано свыше 70 фильмов, сделанных на пушкинские сюжеты в СССР, Германии, Франции и Америке (газета „Кино“, № 26, 1936).

XII

Подведу итог. Статистика переводов из Пушкина позволяет утверждать, что Пушкин прочно вошел в сознание зарубежных читательских кругов. Тот же факт, что эти круги, по признанию некоторых западноевропейских критиков, немногочисленны, — порочит не славу Пушкина, а существо буржуазной культуры, которая не очень-то стремилась к расширению своих читательских кругов.

Эта же статистика переводов показывает, что интерес к Пушкину

¹ Драматургические произведения самого Пушкина неоднократно ставились на европейских сценах. Так, в 1877 г. в Париже шел „Каменный гость“, в девяностых годах в Париже и Берлине шел „Борис Годунов“; в 1909 г. в парижском „Одеоне“ давали „Скупого рыцаря“.

во всем мире не только падает, но продолжает расти и в наши дни, захватывая все большее число стран (фашистскую Германию беру за скобки).

Высказывания западноевропейской критики убеждают нас в том, что Пушкин принят ею как явление мировое, и что его мировое значение все больше и больше растет в глазах зарубежной критики.

Однако вопрос, *что дал* Пушкин мировой литературе, решается не только накоплением фактов непосредственного использования пушкинских идей и образов, ставших общим поэтическим достоянием. Основное значение Пушкина для мировой литературы, по признанию западноевропейской критики, заключается, во-первых, в принципах его художественного стиля, а во-вторых, и это самое важное — в его творческом методе, который положил начало новой реалистической поэзии. Реализм Пушкина и его гармоническое мировосприятие давали европейской литературе выход из тупиков идеализма, пессимизма и мистицизма, которые нес с собой буржуазный романтизм.

Я не ставил себе задачей объяснить мировое значение Пушкина. Я взялся лишь показать, как воспринимала и оценивала Пушкина западноевропейская буржуазная культура. Высказывания западноевропейской критики мы можем всегда принять как меру ее признания великого поэта, но не всегда как меру истинного понимания существа его творчества.

Советская литературная наука не ограничена буржуазными рамками, не связана буржуазными предрассудками, и она должна сделать свои выводы о мировом значении поэта, в котором, по замечательному выражению „Правды“, сказались талантливость, сила, вдохновение, страсть великой страны, ее трудящихся масс.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С. ПУШКИНА

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 — 1937

Издательство Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

1 9 3 8